

Дайджест новостей правового регулирования БАНКРОТСТВА

Ответственный редактор - Юрий Сбитнев

Выпуск 38 (январь-февраль 2022 г.)

Дайджест новостей правового регулирования банкротства

/январь-февраль 2022 года/

Оглавление

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА	3
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	4
1. Законопроекты	4
2. Громкие банкротства.....	5
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	6
<i>Включение в реестр требований кредиторов и субординация требований кредиторов</i>	6
<i>Арбитражные управляющие</i>	16
<i>Оспаривание сделок</i>	18
<i>Защита от злоупотреблений по делам о банкротстве</i>	29
<i>Прочие вопросы</i>	32
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	41
1. Книги.....	41
2. Статьи.....	42
3. Блоги	43

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Представляем Вашему вниманию 38-й выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства.

За первые два месяца нового года Верховный Суд РФ рассмотрел значительное количество дел по вопросам, по которым он ранее уже неоднократно высказывался, например, по сальдированию встречных обязательств и невозможности их оспаривания (см. Определение ВС РФ № 302-ЭС21-17975 от 20.01.2022), о правилах определения признаков компенсационного финансирования (см. Определение ВС РФ № 307-ЭС21-14672(1, 2) от 31.01.2022 г.), так и по более острым темам – порядку удовлетворения требований аффилированных кредиторов по текущим платежам (см. Определение ВС РФ № 305-ЭС21-14470 (1, 2) от 10.02.2022), где в частности, сформулировал негативный подход к схеме ведения бизнеса, при которой деятельность должника, находящегося в состоянии имущественного кризиса, переводится на аффилированные компании, и такой перевод позволяет последним фактически безвозмездно использовать имущество корпоративной группы в целях извлечения прибыли.

Полезные с точки зрения практики были даны разъяснения и при оспаривании цепочки последовательно совершенных сделок по купле-продаже имущества должника. Выработанный подход сводится к установлению воли первого приобретателя – если таковая была сделана для вида и без реального намерения породить предусмотренные договором купли-продажи последствия, то такая цепочка сделок рассматривается единой и признается ничтожной с возвратом в конкурсную массу отчужденного имущества. Но если воля первого приобретателя была направлена на реальное исполнение договора, то сделка оспаривается по правилам ст. 61.8 Закона о банкротстве, а вещь истребуется от конечного покупателя по правилам ст. 301 ГК РФ. При этом если конечный покупатель банкрот, то истребуемая вещь в конкурсную массу не включается и возвращается собственнику (см. Определение № 305-ЭС20-16615 (2) от 24.01.2022). Такого рода разъяснения особенно важны, когда в преддверии банкротства должник отчуждал ликвидное имущество.

Такого рода правовые позиции универсальны и могут быть применимы к аналогичным спорам, вытекающим из схожих ситуаций и сравнимых обстоятельств дела.

С уважением,

Юрий Сбитнев,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- В конце декабря 2021 года на сайте электронного издательства «М-Логос» опубликована в свободном доступе электронная версия новой книги в рамках Серии комментариев к гражданскому законодательству #Глосса - [ИСПОЛНЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 ГК РФ. Отв. ред. А.Г. Карапетов](#). Москва: М-Логос, 2021

Авторский коллектив: А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов, Д.В. Новак, Е.А. Останина, А.А. Павлов, Е.Ю. Петров, А.И. Савельев, С.В. Сарбаш, Р.У. Сулейманов.

Электронная книга опубликована в свободном доступе при поддержке ряда юридических фирм, адвокатских образований и арбитражных учреждений: Allen & Overy, Art de Lex, Бартолиус, Bryan Cave Leighton Paisner, КИАП, Latham & Watkins, Linklaters, Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры, РВ Legal, Пепеляев Групп, Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража, Савельев, Батанов и партнёры, Сирота и партнеры, Томашевская и партнеры, Эксиора, Юстина.

Версия данной книги в твердом переплете издана издательством «Статут» и может быть заказана на сайте данного издательства (см. [здесь](#)). Там же можно заказать комплект всех шести актуальных томов Серии #Глосса со скидкой в 20% (см. [здесь](#)).

- В марте 2022 года на сайте электронного издательства «М-Логос» опубликована в свободном доступе электронная версия новой книги [С.В Сарбаша. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ИХ ИСПОЛНЕНИЕ: комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении», Москва : М-Логос, 2022. – 464 с.](#)

В настоящем издании проанализированы правовые позиции высшей судебной инстанции, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54. Осмысление и усвоение многочисленных и детализированных подходов судебной практики к толкованию норм закона об обязательствах и их исполнении – непростая задача, содействовать решению которой призвана данная книга. В комментарии предпринята попытка скрупулезного анализа текста Постановления, рассматриваются развитие и изменение правовых позиций, выявляются дискуссионные аспекты и юридические риски в данной области правоотношений. В релевантных комментариях сформулированы некоторые рекомендации по работе при заключении договоров в части соответствующих условий об исполнении обязательств. Особое внимание обращается на нюансы как самого текста Постановления, так и соответствующих аспектов правовых связей и их динамики. Для практикующих юристов. Законодательство приводится по состоянию на 1 января 2022 г.

Бумажная версия книги опубликована в [издательстве «Статут»](#).

- 30 марта 2022 года Юридический институт «М-Логос» проводит [Информационный онлайн-семинар «ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО В РАМКАХ ЗАКОНА № 44-ФЗ, В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И КОНТРСАНКЦИЙ»](#). Начало в 16.00.

Ознакомиться с программой и подать заявку на участие можно [здесь](#).

- 07 апреля 2022 года Юридический институт «М-Логос» проводит [Информационный онлайн-семинар «ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО НА ОСНОВАНИИ ЗАКОНА №223-ФЗ, В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И КОНТРАСАНКЦИЙ»](#). Начало в 16.00.

Ознакомиться с программой и подать заявку на участие можно [здесь](#).

- 10 марта 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Авторскую онлайн-лекцию Павла Мищенко «Как юридический дизайн может помочь в профессии»](#).

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- 21 февраля 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [научно-практический онлайн круглый стол «ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСКИ, УСЛОВНЫЕ ИСКИ И УСЛОВНОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ»](#). В круглом столе участвовали Д.Б. Абушенко, М.З. Шварц, М.А. Ерохова, А.В. Ильин, И.Н. Кашкарова, Ю.В. Тай, М.А. Филатова, А.Г. Карапетов.

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#), а также на нашем канале на YouTube [здесь](#).

- 17 февраля 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Авторскую онлайн-лекцию Т.С. Красновой «Публичные сервитуты»](#).

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- 10 февраля 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Авторскую онлайн-лекцию Юлии Михальчук «Ключевая практика ВС РФ и КС РФ по субсидиарной ответственности контролирующих лиц за 2021 год»](#)

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- 27 января 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [авторскую онлайн-лекцию Максима Бунякина и Дмитрия Попова «Практические навыки делового и юридического письма»](#)

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- 24 января 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Онлайн-презентацию нового тома #Глоссы «ИСПОЛНЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ответы на вопросы читателей»](#)

В презентации участвовали А.А. Павлов, С.В. Сарбаш, А.Г. Карапетов.

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#), а также на нашем канале на YouTube [здесь](#).

- На нашем сайте опубликовано расписание образовательных программ повышения квалификации Юридического института «М-Логос», которые проходят в онлайн формате [на первое полугодие 2022 г.](#)

В рамках данного расписания обращаем ваше внимание на онлайн-курс повышения квалификации «[Практикум по эффективному ведению споров в сфере банкротства](#)», который пройдет в Институте с 24 мая по 5 июля 2022 года

- На сайте Института в ноябре опубликованы следующие тематические дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за январь 2022 года](#)

[Дайджест новостей процессуального права за декабрь 2021 –январь 2022 года](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законопроекты

[Законопроект № № 57580-8 «О внесении изменений в статью 189.82 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части внесения корреспондирующих изменений\)](#)

Дата внесения в ГД: 18.01.2022

Статус: 21.02.2022 г. назначить ответственный комитет (Комитет Государственной Думы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям); представить отзывы, предложения и замечания к законопроекту (22.03.2022); подготовить законопроект к рассмотрению Государственной Думой (Весенняя сессия); включить законопроект в примерную программу (Весенняя сессия; 2022; апрель); направить законопроект на заключение в Правовое управление

Инициатор: Депутат Государственной Думы В.М.Резник

Комитеты: Комитет Государственной Думы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям

Из пояснительной записки к законопроекту:

Концепцией проекта федерального закона «О внесении изменений в статью 189.82 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - законопроект) является устранение технической неточности в статье 189.82, допущенной при принятии Федерального закона от 20 апреля 2021 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон).

При принятии Федерального закона в части определения срока предъявления требований кредиторов для целей участия в первом собрании кредиторов, соответствующие нормы были перенесены из статьи 189.86 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в статью 189.32 указанного закона. При этом корреспондирующие изменения в пункт 4 статьи 189.82 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» сделаны не были, в связи с чем, действующая редакция пункта 4 статьи 189.82 содержит ссылку на положения, которые признаны утратившими силу (пункт 2 статьи 189.86).

Законопроектом указанная техническая неточность устраняется путем указания на пункт 18 статьи 189.32 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», действующая редакция которого предусматривает, что срок предъявления кредиторами своих требований для целей участия в первом собрании кредиторов составляет тридцать рабочих дней со дня опубликования необходимых сведений временной администрацией по управлению кредитной организацией. Также законопроект предусматривает внесение юридико-технической правки в части уточнения наименования федерального закона, регулирующего отношения в сфере страхования вкладов. ПЕРЕЧЕНЬ федеральных законов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием федерального закона «О внесении изменений в статью закона «О несостоятельности (банкротстве)» не потребует признания утратившими силу, приостановления, изменения или принятия федеральных законов.

2. Громкие банкротства

Банки и финансовые организации

[Экс-топов Апабанка просят привлечь к «субсидиарке» на 478 млн руб.](#)

[Экс-топов «Первого республиканского банка» привлекли к «субсидиарке»](#)

[Апелляция взыскала \\$14,6 млн в пользу «Траста»](#)

[Экс-директор «Открытия» пошел на мировую в деле о банкротстве](#)

[ВТБ требует от «Открытие Холдинга» 62,1 млрд руб.](#)

[К «Открытие Холдингу» предъявили требования еще на 703 млрд руб.](#)

[АСВ просит привлечь к ответственности руководство двух банков](#)

[С экс-топов «ПФС-Банка» хотят взыскать 578 млн руб.](#)

[Утверждено обвинение в хищении 1 млрд руб. у «Ринвестбанка»](#)

Авиакомпании

[Суд признал экс-владельцев «ВИМ-Авиа» банкротами](#)

[Суд ввел наблюдение в авиакомпании «Скол» из-за долгов по лизингу](#)

Сельское хозяйство

[Суд арестовал активы владельца «Русагро» по делу «Волжского терминала»](#)

[Суд отменил арест активов «Русагро» на 22 млрд руб.](#)

[«Русское молоко» Бойко-Великого избежало банкротства](#)

Спорт

[Суд отклонил иск о банкротстве ЦСКА](#)

Физические лица

[АС Поволжского округа признал банкротство владельца ПАО «Тольяттиазот» Создателя «Вия» освободили от взыскания 386 млн руб. роялти за фильм](#)
[Банкира Мухиева признали банкротом из-за долга в 8,9 млрд руб.](#)
[Кассация отменила привлечение Ананьева к «субсидиарке» на 400 млн руб.](#)
[Суд начал банкротство сына банкира Минца из «Открытия»](#)
[Экс-зампреда Центробанка признали банкротом](#)

Иное

[Стрелковый клуб банкротит ДОСААФ](#)
[Суд признал требования «Крымэнерго» к организатору блокады Крыма](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

Включение в реестр требований кредиторов и субординация требований кредиторов

[Определение ВС РФ № 303-ЭС21-16354 от 20.01.2022 г.](#)

Наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего задолженность, не освобождает арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, от обязанности определить очередность удовлетворения основанного на этой задолженности требования.

Подтверждение в судебном порядке неисполненного обязательства должника перед кредитором не меняет правовую природу (существо и основание возникновения) задолженности и не препятствует исследованию обстоятельств, в том числе связанных с условиями финансирования должника. Необычное поведение сторон правоотношений при продолжающемся нарушении должником условий договора, неистребование задолженности вероятнее всего свидетельствует об их аффилированности и предоставлении кредитором компенсационного финансирования, которое не может быть противопоставлено требованиям независимых кредиторов и удовлетворяется в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

В рамках дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Логистик Лес» Торгово-Экономическая компания с ограниченной ответственностью «Тайхэ» города Суйфэньхэ обратилась в Арбитражный суд Хабаровского края с заявлением о включении в 2 реестр требований кредиторов должника задолженности в размере 138 575 506 руб. 88 коп.

Определением суда первой инстанции от 01.02.2021, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции от 16.03.2021 и округа от 27.05.2021, требования компании признаны обоснованными и включены в третью очередь реестра.

Судебная коллегия ВС РФ считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям:

Требование компании основано на заключенном между последней (покупателем) и обществом с ограниченной ответственностью «Азия Экспорт» контракте от 26.10.2011 № HLSF-1392, по условиям которого продавец обязался продать, а покупатель – приобрести товар «пиловочник хвойных пород и балансов» и «пиломатериалы».

В обеспечение исполнения обязательств общества между компанией и должником заключен договор поручительства от 01.06.2016. Вступившим в законную силу судебным актом по делу № А51-12733/2020 с должника в пользу компании взыскано 1 878 735,18 доллара США.

Суды первой и апелляционной инстанций, с выводами которых согласился суд округа исходили из того, что требование компании подтверждено вступившим в законную силу судебным актом, на день рассмотрения его обоснованности задолженность не погашена, в связи с чем требование подлежит включению в третью очередь реестра.

Суд округа, ссылаясь на абзац третий пункта 22 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», указал, что возражения кредиторов (в том числе об аффилированности компании и должника) могут быть заявлены в случае отмены и пересмотра по новым обстоятельствам судебного акта, на котором основано спорное требование (пункт 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденных вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром (пункт 10 статьи 16 Закона о банкротстве). Между тем само по себе наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего задолженность, не освобождает арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, от обязанности определить очередность удовлетворения основанного на этой задолженности требования (пункт 3.1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020).

Банк обращал внимание судов на заключение обеспечительной сделки (договора поручительства) спустя пять лет с момента неисполнения обществом обязательств по договору поставки и в условиях нахождения последнего в процедуре наблюдения. Кроме этого, указывал на отсутствие возражений должника при рассмотрении иска о взыскании с него задолженности и непринятие мер к подаче заявлений о пропуске срока исковой давности, прекращении поручительства. По мнению банка, целью обеспечительной сделки являлось исключительно установление контроля над процедурой банкротства должника.

Необычное поведение сторон правоотношений при продолжающемся нарушении должником условий договора, неисребование задолженности вероятнее всего свидетельствует об их аффилированности и предоставлении кредитором компенсационного финансирования, которое не может быть противопоставлено требованиям независимых кредиторов и удовлетворяется в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. В связи с этим судам следовало установить обстоятельства, которые в соответствии с изложенными в Обзоре разъяснениями входят в предмет доказывания при разрешении вопроса об очередности погашения требования, а именно: наличие (отсутствие) у должника в спорный период признаков имущественного кризиса, целесообразность заключения договора поручительства в сложившейся ситуации, оценив при этом доводы о фактической аффилированности общества, должника и компании, а также поведение сторон при рассмотрении спора о взыскании долга с поручителя.

[Определение ВС РФ № 308-ЭС18-3917 \(2\) от 27.01.2022](#)

По общему правилу, основания для субординации устанавливаются на момент возникновения обязательства по возврату компенсационного финансирования.

Тот факт, что контролирующее (аффилированное) лицо, предоставившее компенсационное финансирование, находится в процедуре конкурсного производства и операции по выдаче такого финансирования оспорены в деле о несостоятельности плательщика, не является основанием для отказа в субординации реституционного требования о возврате компенсационного финансирования.

В рамках дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Концерн «РИАЛ» общество с ограниченной ответственностью «Росалко» подало заявление о включении его требования в сумму 63 053 080 рублей в реестр требований кредиторов концерна «Риал».

Определением Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 27.11.2020 требование общества «Росалко» признано обоснованным, подлежащим удовлетворению после погашения требований, указанных в пункте 4 статьи 142 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 Гражданского кодекса Российской Федерации (в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты).

Постановлением Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2021 определение суда первой инстанции отменено, требование общества «Росалко» включено в реестр требований кредиторов концерна «Риал» с удовлетворением в третью очередь.

Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.07.2021 постановление суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Общество «Росалко» в обоснование заявления о включении 63 053 080 рублей в реестр требований кредиторов концерна «Риал» сослалось на то, что в рамках дела № А41-10052/2017 Арбитражного суда Московской области о несостоятельности (банкротстве) названного общества вступившим в законную силу определением суда первой инстанции от 31.07.2020 на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве признаны недействительными операции по перечислению обществом «Росалко» в пользу концерна «Риал» 63053080 рублей, применены последствия их недействительности в виде взыскания названной суммы с концерна «Риал» в пользу общества «Росалко». Общество «Росалко» полагало, что данное реституционное требование подлежит включению в реестр требований кредиторов концерна «Риал» с удовлетворением в третью очередь.

Понижая очередность удовлетворения указанного требования, суд первой инстанции исходил из того, что общество «Росалко» и концерн «Риал» входили в одну группу компаний, находящуюся под контролем Абазехова Х.Ч. Под влиянием бенефициара группы компаний подконтрольное ему общество «Росалко» (плательщик) перечислило денежные средства концерну «Риал» (получателю), находящемуся в ситуации имущественного кризиса.

Суд признал операции по перечислению 63 053 080 рублей компенсационным финансированием, сославшись на сложившуюся судебную арбитражную практику, закрепленную в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020). Доводы относительно того, что очередность удовлетворения реституционного требования не может быть понижена, суд первой инстанции отклонил.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции и включил требование общества «Росалко» в реестр требований кредиторов концерна «Риал» с удовлетворением в третью очередь. Суд апелляционной инстанции исходил из того, что, с учетом нахождения плательщика и получателя в процедурах банкротства, а также признания операций недействительными в рамках дела о несостоятельности плательщика, понижение очередности удовлетворения его требования нарушит права и законные интересы кредиторов плательщика, не имеющих отношения к спорным операциям.

Суд округа поддержал правовую позицию суда апелляционной инстанции.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В Обзоре по субординации обобщены правовые подходы, применение которых позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности удовлетворения (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Как разъяснено в Обзоре по субординации, требования контролирующего должника лица подлежат субординации, в частности, если они возникли в условиях имущественного кризиса должника (пункт 3). Контролирующее лицо, пытающееся вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу компенсационного финансирования, должно принимать на себя все связанные с этим риски, которые не могут перекладываться на других кредиторов получателя финансирования (пункт 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации). Указанные правовые позиции об очередности удовлетворения требования распространяются и на предоставившее компенсационное финансирование аффилированное с должником лицо, которое не имело прямого контроля над должником, но действовало под влиянием общего для него и должника контролирующего лица (пункт 4 Обзора по субординации).

В рамках настоящего обособленного спора суд первой инстанции установил, что наиболее вероятной причиной перечисления обществом «Росалко» денежных средств концерну «Риал» в отсутствие документов, обосновывающих это перечисление с точки зрения обычных обязательственных отношений двух коммерческих организаций, являлось использование лицом, контролирующим группу компаний, в том числе плательщика и получателя, преимуществ своего

положения для вывода одного члена группы – концерна «Риал» – из состояния имущественного кризиса, выразившегося в недостаточности денежных средств.

По общему правилу, основания для субординации устанавливаются на момент возникновения обязательства по возврату компенсационного финансирования. Так, в пункте 7 Обзора по субординации разъяснено, что, если компенсационное финансирование было предоставлено в условиях имущественного кризиса должника и на момент его предоставления кредитор являлся мажоритарным акционером, последующая продажа этим кредитором пакета акций, прекратившая возможность осуществления им контроля над должником, не изменяет очередность удовлетворения требования бывшего мажоритарного акционера.

Приведенный подход применим и тогда, когда последующая утрата контроля произошла по иным причинам – в связи с возбуждением дела о несостоятельности (банкротстве) контролирующего должника (аффилированного с ним) лица и передачей управления над имущественной массой последнего независимому конкурсному управляющему.

В рассматриваемом случае расчетные операции признаны недействительными в рамках дела о банкротстве плательщика в связи с тем, что он, несмотря на наличие собственных кредиторов, передал получателю денежные средства в отсутствие встречного предоставления. Констатация того, что таким финансированием нарушены права кредиторов общества «Росалко», не меняет правовую природу финансирования, его компенсационный характер в отношениях «плательщик – получатель», которые и являются предметом исследования в рамках дела о банкротстве концерна «Риал».

Таким образом, требование общества «Росалко» подлежало субординации.

[Определение ВС РФ № 307-ЭС21-14672\(1, 2\) от 31.01.2022 г.](#)

Не является компенсационным финансированием приобретение аффилированным лицом требования к должнику вследствие реализации права, предусмотренного статьями 113, 125 Закона о банкротстве. При рассмотрении заявления о включении в реестр такого требования при повторном банкротстве должника, очередность удовлетворения такого требования не понижается. Факт аффилированности лица не является сам по себе основанием для понижения в очередности удовлетворения требования.

Это обусловлено тем, что после признания должника банкротом невозможно скрыть неблагоприятное финансовое положение должника, поскольку данная процедура является публичной, открытой и гласной, поэтому действия по погашению реестра не могут рассматриваться как направленные на предоставление должнику компенсационного финансирования. Иной подход лишит независимых кредиторов возможности удовлетворять свои требования подобным образом.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника предприятие обратилось в Арбитражный суд Тверской области с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника его требования в размере 10 708 056 руб. 51 коп.

Определением суда первой инстанции от 29.12.2020, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 25.03.2021, требование кредитора в указанном размере признано обоснованным и подлежащим удовлетворению в составе третьей очереди реестра.

Постановлением суда округа от 25.06.2021 указанные судебные акты изменены, требование предприятия в размере 10 708 056 руб. 51 коп. признано обоснованным и подлежащим удовлетворению после погашения требований, указанных в пункте 4 статьи 142 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 Гражданского кодекса Российской Федерации (очередность, предшествующая распределению ликвидационной квоты).

В рамках предыдущего дела о банкротстве должника (№ А66-297/2017) определением суда от 14.02.2019 удовлетворено заявление предприятия о намерении погасить требования кредиторов должника. Предприятие платежным поручением от 04.03.2019 перечислило денежные средства в размере реестра (10 630 897 руб. 51 коп.) на счет должника.

Определением суда от 18.03.2019 требования кредиторов должника признаны удовлетворенными, определением от 01.04.2019 производство по делу о банкротстве прекращено.

Впоследствии (13.12.2019) в отношении должника вновь возбуждено дело о банкротстве (№ А66-18856/2019), введена процедура наблюдения.

Ссылаясь на положения пункта 14 статьи 113 Закона о банкротстве, предприятие обратилось в суд с настоящим заявлением. Кроме этого, последнее предъявило к включению в реестр задолженность в размере 77 159 руб., возникшую за период с 17.08.2017 по 30.09.2017.

Изменяя судебные акты и понижая очередность удовлетворения требований, суд округа сослался на правовую позицию, изложенную в пунктах 3.1, 4 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020 (далее – Обзор), и исходил из того, что в рассматриваемом случае погашение требований кредиторов должника в процедуре банкротства произведено аффилированным лицом в целях уплаты задолженности, образовавшейся в результате негативного воздействия контролирующего должника лица (министерства) на хозяйственную деятельность последнего. Суд счел, что такие действия предприятия по существу являются формой финансирования должника.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Действующее законодательство о несостоятельности не содержит положений, согласно которым аффилированность лица является самостоятельным основанием для отказа во включении в реестр требований кредиторов либо для понижения очередности удовлетворения требований аффилированных кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными. Однако судебной практикой выработаны правовые подходы, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Так, при наличии любого из обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве, считается, что должник находится в трудном экономическом положении (имущественном кризисе) и ему надлежит обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве. Скрытие такой информации и попытка преодолеть кризис посредством внутреннего публично нераскрываемого компенсационного финансирования ведет к тому, что контролирующее лицо принимает риск неосуществления плана выхода из кризиса на себя и впоследствии не вправе перекладывать его на других кредиторов, что обеспечивается понижением очередности удовлетворения такого требования (пункт 3.1 Обзора). В том же положении, что и контролирующее лицо, находится аффилированный с должником кредитор, не обладающий контролем над ним, предоставивший компенсационное финансирование под влиянием контролирующего лица (пункт 4 Обзора).

В рассматриваемом случае приобретение требования к должнику вследствие реализации права, предусмотренного статьями 125, 113 Закона о банкротстве, осуществлено аффилированным лицом (единственным участником должника и предприятия является министерство) после признания должника банкротом, когда невозможно скрыть неблагоприятное финансовое положение должника, поскольку данная процедура является публичной, открытой и гласной. В связи с этим такие действия не могут рассматриваться как направленные на предоставление должнику компенсационного финансирования. Иной подход в том числе лишит независимых кредиторов возможности удовлетворять свои требования подобным образом.

При этом само по себе нахождение в реестре аффилированного с должником лица не влечет для других кредиторов негативных последствий. Недобросовестное поведение в действиях предприятия судами не установлено, доказательства, свидетельствующие о наличии у предприятия умысла на причинение вреда имущественным правам кредиторов посредством такого исполнения, участвующими в споре лицами не представлены. Удовлетворение предприятием за счет своих средств в полном объеме реестровых требований соответствовало упомянутым положениям законодательства о несостоятельности и отвечало целям и задачам процедуры банкротства, что также отражено в судебном акте, принятом в рамках предыдущего дела о банкротстве должника.

[Определение ВС РФ № 307-ЭС19-23448 \(3\) от 03.02.2022 г.](#)

При рассмотрении споров о включении требований поручителя в реестр требований кредитора должника важным критерием понижения очередности является заключение аффилированным лицом договора поручительства в состоянии имущественного кризиса подконтрольного ему должника, когда контролирующее лицо, по сути, предоставило должнику

компенсационное финансирование, а значит, суброгационные требования поручителя не могут конкурировать с требованиями других кредиторов и подлежат удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (пункт 6.1 Обзора).

В ситуации, когда независимые кредиторы привели убедительные аргументы по поводу того, каким образом выстраивались отношения внутри группы, контролируемой одним и тем же лицом, аффилированный кредитор не может ограничиться представлением минимального набора документов в подтверждение реальности сделки (платежа по договору поручительства). Он должен с достаточной полнотой раскрыть все существенные обстоятельства, касающиеся не только заключения и исполнения кредитного договора, но и оснований дальнейшего внутригруппового перенаправления денежных потоков, подтвердить, что движение средств соотносится с реальными хозяйственными отношениями, выдача кредита и последующие операции обусловлены разумными экономическими или иными причинами.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) непубличного акционерного общества «Юлмарт» Костыгин Д.В. обратился в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника его требования в размере 403 213 439 руб. 54 коп.

При новом рассмотрении определением суда первой инстанции от 29.12.2020, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 16.03.2021, требование кредитора в указанном размере признано обоснованным и подлежащим удовлетворению в составе третьей очереди реестра.

Постановлением суда округа от 28.05.2021 указанные судебные акты изменены, требование Костыгина Д.В. в размере 403 213 439 руб. 54 коп. признано обоснованным и подлежащим удовлетворению после погашения требований, указанных в пункте 4 статьи 142 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 Гражданского кодекса Российской Федерации (очередность, предшествующая распределению ликвидационной квоты).

На основании соглашения от 14.03.2014 № 2814-043 об открытии кредитной линии акционерное общество «Газпромбанк» предоставило должнику кредит в размере 700 млн. руб.

В целях обеспечения надлежащего исполнения обязательств заемщиком по возврату кредита между банком и Костыгиным Д.В. заключен договор поручительства от 30.03.2015 № 2814-043-п5.

Ввиду ненадлежащего исполнения должником кредитных обязательств банк направил заемщику требование о возврате кредитных средств в полном объеме, впоследствии (06.10.2016) списав 555 314 713 руб. 73 коп. со счета Костыгина Д.В. в соответствии с условиями заключенного между ним и банком договора поручительства.

Обращаясь в арбитражный суд с настоящим заявлением, Костыгин Д.В. указал на переход к нему в порядке статьи 365 Гражданского кодекса Российской Федерации требования банка.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций оценили представленные в обоснование требования доказательства и пришли к выводу о подтвержденности наличия и размера предъявленной ко включению в реестр задолженности. Оснований для субординирования требования судами не установлено.

Изменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, суд округа, ссылаясь на Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020 (далее – Обзор), исходил из того, что поскольку на момент исполнения аффилированным лицом обязательств перед банком должник находился в условиях финансового и управленческого кризиса, то очередность требования такого кредитора должна быть понижена.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В упомянутом Обзоре обобщены правовые подходы, применение которых позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

При рассмотрении споров о включении требований поручителя важным критерием понижения очередности является заключение аффилированным лицом договора поручительства в состоянии имущественного кризиса подконтрольного ему должника, когда контролирующее лицо, по сути, предоставило должнику компенсационное финансирование, а значит, суброгационные требования поручителя не могут конкурировать с требованиями других кредиторов и подлежат удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (пункт 6.1 Обзора).

В данном случае имущественный кризис у должника на момент заключения договора поручительства не наблюдался.

Как установили суды, финансовый и управленческий кризис (резкое падение курса рубля, усугубление корпоративного конфликта между конечными бенефициарами группы компаний, в которую входил должник, невозможность самостоятельно рассчитаться с кредиторами) возник позже (с февраля 2016 года), в связи с чем банком направлено досрочное требование к должнику о погашении кредитных обязательств, а также произведено списание денежных средств со счета Костыгина Д.В.

При таких обстоятельствах вывод суда округа о предоставлении компенсационного финансирования ошибочен, учитывая, что исполнение по обеспечительным сделкам, как правило, осуществляется в условиях имущественного кризиса должника (заемщика).

В то же время не подлежит удовлетворению заявление о включении в реестр требования аффилированного с должником лица, которое основано на исполнении им обязательства должника внешнему кредитору, если аффилированное лицо получило возмещение исполненного на основании соглашения с должником (пункт 5 Обзора).

Судами установлено, что Костыгин Д.В. является бенефициаром группы компаний «Юлмарт», в которую входит должник.

Оставляя определение суда первой инстанции без изменения, суд апелляционной инстанции отклонил доводы Сбербанка, Банка ВТБ и общества «Сбербанк-Факторинг» о внутригрупповом перемещении денежных средств, отметив, что Костыгин Д.В. погасил обязательства должника перед банком за счет собственных денежных средств, о чем свидетельствуют представленные в материалы дела банковские выписки по расчетным счетам должника, справки о доходах Костыгина Д.В. Суд также указал на отсутствие доказательств распределения и выплаты дивидендов или прибыли в группе компаний «Юлмарт» в спорный период.

Возражая против включения требования в реестр, Банк ВТБ в апелляционной и кассационной жалобах, помимо прочего, обращал внимание на свободное перемещение активов и транзитный характер движения денежных средств по счетам лиц, образующих группу компаний «Юлмарт», в том числе по счету должника. Так, по его мнению, полученное от банка финансирование было незамедлительно перераспределено - изъято из числа активов НАО «Юлмарт» посредством выдачи им займа внутри группы (ООО «Юлмарт ПКЗ», ООО «Юлмарт РСК», ООО «Юлмарт Девелопмент» и др.), затем произошло обратное перераспределение кредитных денежных средств в пользу Костыгина Д.В. для оплаты им долга по кредитному договору с тем расчетом, чтобы возникло суброгационное требование аффилированного лица к должнику при наличии возможности произвести обратное перераспределение ресурсов в пользу заемщика, из оборота которого сумма кредита была изъята изначально.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС21-14470 \(1, 2\) от 10.02.2022](#)

По общему правилу изложенные в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, позиции о субординации требований непосредственно применимы к реестровым требованиям, так как компенсационное финансирование прикрывает неплатежеспособность должника от независимых кредиторов и осуществляется до возбуждения дела о его банкротстве. После названного момента факт имущественного кризиса становится публично раскрытым, в силу чего утаивание сведений о неблагоприятном финансовом положении должника становится невозможным. Таким образом, по общему правилу разъяснения о понижении очередности удовлетворения требований не применяются к текущим платежам.

Однако запутанность внутригрупповых отношений (свободное перемещение денежных средств и услуг между аффилированными членами группы, произвольная передача ими

владения складским комплексом, создание «компании-двойника») указывают не на мнимость спорной текущей задолженности, а свидетельствуют о невозможности восприятия членов группы как самостоятельных, имущественно обособленных субъектов гражданского оборота. В подобной ситуации к ним необходимо относиться таким образом, как если бы их активы и пассивы были объединены (консолидированы).

Учитывая, что с точки зрения корпоративного права должник и компания продолжают оставаться разными организациями (их конкурсные массы не объединены), соответствующие имущественные последствия могут быть достигнуты путем обособления выручки, полученной от торгового дома (что правомерно и осуществлено конкурсным управляющим), и предоставления лицам, фактически задействованным в оказании транспортно-логистических услуг с использованием складского комплекса, прямых требований к этой обособленной сумме.

Между АО «ТД Перекресток» (заказчиком) и должником (исполнителем) был заключен договор от 14.03.2016 № СХ01/03-01, по условиям которого исполнитель обязался оказывать заказчику услуги по хранению, складской обработке, транспортировке товара, материалов и тары.

Кроме того, между должником (заказчиком) и компанией (исполнителем) был заключен договор на оказание логистических услуг (операций) от 25.07.2017 № ЭК-2017/001.

Незадолго до возбуждения настоящего дела о банкротстве между должником и компанией заключено дополнительное соглашение от 15.03.2019 к названному договору, в результате чего предмет данного договора и тарифы на оказание услуг стали практически полностью повторять условия договора, заключенного между должником и торговым домом.

23.04.2019 возбуждено дело о банкротстве должника, 04.10.2019 в отношении него введена процедура наблюдения, 30.07.2020 должник признан банкротом, открыто конкурсное производство.

Должником от торгового дома получены денежные средства за услуги, оказанные по договору в июле и августе 2020 года. Аналогичные услуги за этот же период компания оказала должнику, в результате чего у должника образовалась текущая задолженность перед компанией.

Конкурсный управляющий должника уведомил компанию о том, что долг перед ней включен в пятую очередь реестра текущей задолженности, соответствующая сумма зарезервирована управляющим.

Суд первой инстанции сослался на положения статей 5, 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и указал на то, что компанией должнику услуги были фактически оказаны, текущие требования носят реальный характер, их нельзя квалифицировать как компенсационное финансирование, предоставляемое должнику, так как для последнего не наступили характерные для компенсационного финансирования последствия (освобождение от задолженности, снижение процентных ставок по кредитам).

Суд апелляционной инстанции иначе квалифицировал сложившиеся между сторонами отношения. Он отметил, что должником в преддверии банкротства был заключен «зеркальный» договор с аффилированным лицом, который полностью дублировал положения договоров, ранее заключенных с торговым домом, услуги которому должник ранее оказывал самостоятельно. В результате этого практически все денежные средства, которые должник получал от торгового дома, перечислялись аффилированным лицам. При этом по ряду услуг должник фактически работал себе в убыток.

В частности, должник получил по договорам от торгового дома 529 млн. руб. (за январь-февраль 2020 г.). Затем данные денежные средства практически в полном объеме были перечислены аффилированным субподрядчикам: компании – 137 млн. руб.; обществу «ТрансЛогистик» – 376 млн. руб.

Хранение и обработка товаров осуществлялись на складском комплексе, принадлежащем обществу «Тиера» на праве собственности. Прямые договорные отношения между обществом «Тиера» и должником либо компанией отсутствуют. До банкротства общество «Тиера» сдавало помещения склада в аренду обществу «Вектор», которое, в свою очередь, передавало их в субаренду должнику. Однако 01.06.2020 конкурсным управляющим обществом «Тиера» было направлено уведомление о расторжении договора аренды с обществом «Вектор». Аналогично конкурсным управляющим общества «Вектор» было направлено уведомление о расторжении договора субаренды с должником. При этом общество «Тиера» как собственник складского комплекса не получало какой-либо оплаты за

использование аффилированными лицами складских помещений. В результате этого в ноябре 2020 года со стороны общества «Тиера» была направлена претензия в адрес должника об оплате задолженности за фактическое использование складского комплекса в размере более 600 млн. руб.

Суд апелляционной инстанции обратил внимание на то, что для текущих кредиторов Законом о банкротстве установлен особый благоприятный режим, что обусловлено необходимостью финансирования расходов на процедуру банкротства. В то же время оказание услуг компанией не привело к наполнению конкурсной массы для финансирования процедуры. Напротив, аффилированные лица фактически безвозмездно использовали имущество корпоративной группы в целях извлечения прибыли в ущерб интересам независимых кредиторов.

В связи с указанным суд заключил, что спорные обязательства перед аффилированным лицом носят внутренний характер и не могут конкурировать с обязательствами должника перед другими участниками оборота. Продолжая контролировать деятельность должника после принятия заявления о признании его банкротом, избирая соответствующую модель ведения бизнеса, контролирующие лица приняли на себя риск вытекающих неблагоприятных последствий.

При таких условиях суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что действия лиц, входящих в одну группу, по полному «переводу» деятельности должника, находящегося в состоянии имущественного кризиса, на аффилированные компании, указывают на злоупотребление правом (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), в связи с чем признан требования компании не подлежащими удовлетворению за счет конкурсной массы.

Суд округа отклонил выводы суда апелляционной инстанции, подчеркнув реальный характер оказанных услуг, что было признано самим конкурсным управляющим, отнесшим требования компании к пятой очереди текущих платежей и не расторгавшего договор вплоть до октября 2020 года. Суд округа отметил, что договор с компанией является действующим, в установленном законом порядке недействительным не признан. Суд также обратил внимание на то, что должник работы самостоятельно не выполнял, а его прибыль от посреднической деятельности составила 16 млн. руб. (ориентировочно 3 % от общей выручки).

При этом суд округа заметил, что срок действия договора с торговым домом был установлен до 30.06.2022, а его досрочное расторжение по инициативе исполнителя влекло для последнего убытки, так как в такой ситуации он обязывался выплатить заказчику значительную денежную компенсацию.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым заинтересованность (аффилированность) лица является самостоятельным основанием для отказа во включении в реестр требований кредиторов либо основанием для понижения очередности удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными.

Вместе с тем, при наличии дополнительных обстоятельств суд может как субординировать требования кредитора, так и вовсе признать его требования необоснованными. Примеры таких случаев изложены в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020).

Так, в пункте 3.1 Обзора указано, что основанием понижения очередности удовлетворения требования кредитора является нарушение этим кредитором, контролирующим организацию-должника, собственной обязанности по публичному информированию участников гражданского оборота об имущественном кризисе в подконтрольной организации, исполняемой путем подачи заявления о банкротстве последней (пункт 1 статьи 9 Закона о банкротстве). Контролирующее лицо, избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, – пытающееся вернуть контролируемое юридическое лицо к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления ей компенсационного финансирования, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты упомянутого финансирования на случай объективного банкротства. Поскольку данные риски не могут перекладываться на независимых кредиторов, требования последних удовлетворяются приоритетно по отношению к требованию о возврате компенсационного финансирования.

Компенсационное финансирование (предоставление должнику денежных средств либо временное освобождение его от исполнения обязательств) прикрывает неплатежеспособность

должника от независимых кредиторов и осуществляется до возбуждения дела о его банкротстве. После названного момента факт имущественного кризиса становится публично раскрытым, в силу чего утаивание сведений о неблагоприятном финансовом положении должника становится невозможным. Таким образом, по общему правилу разъяснения о понижении очередности удовлетворения требований не применяются к текущим платежам.

В рассматриваемом случае компания оказывала должнику услуги в июле-августе 2020 года, то есть как в период наблюдения, так и после открытия конкурсного производства.

Поскольку воля компании не была направлена на предоставление отсрочки исполнения денежных обязательств по оплате услуг, она не пыталась скрыть финансовое положение должника от кредиторов, оснований для вывода о том, что компания предоставила должнику какое-либо компенсационное финансирование, не имеется.

По существу перед судами стоял вопрос о справедливом распределении выручки, поступившей в конкурсную массу от торгового дома за оказанные ему логистические услуги.

Несмотря на действительный факт оказания услуг именно компанией (на что обращал внимание суд округа и что не отрицали банк и конкурсный управляющий), судом апелляционной инстанции была установлена совокупность следующих неопровергнутых судом округа обстоятельств:

- в преддверии банкротства был заключен «зеркальный» договор с аффилированным лицом, который полностью дублировал положения договоров, ранее заключенных с торговым домом, услуги которому должник ранее оказывал самостоятельно;

- практически все денежные средства, которые должник получал от торгового дома, перечислялись аффилированным лицам;

- в 2019 году от должника в компанию были переведены 365 сотрудников, что лишило должника возможности оказывать услуги самостоятельно.

Суд апелляционной инстанции исходя из названных фактов пришел к выводу о состоявшемся переводе деятельности должника, находящегося в состоянии имущественного кризиса, на аффилированные компании; такой перевод позволил последним фактически безвозмездно использовать имущество корпоративной группы в целях извлечения прибыли, что указывает на злоупотребление правом и влечет полный отказ в удовлетворении требований компании (пункт 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Судебная коллегия соглашается с выводом суда апелляционной инстанции о том, что приведенная модель поведения является недобросовестной и должна быть пресечена.

Так, в результате перевода бизнеса должника на компанию последняя стала использовать предпринимательские возможности всей группы, включая должника, то есть в более детальном приближении – фактически недобросовестно присвоила прибыль участников группы. Именно в части недополучения в конкурсную массу потенциальной прибыли и пострадал должник, деятельность которого вошла в противоречие с положениями абзаца третьего пункта 1 статьи 2, пункта 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации о целях предпринимательской деятельности, и как следствие, его независимые кредиторы.

Установленные апелляционным судом обстоятельства, по мнению судебной коллегии, указывают не на мнимость спорной текущей задолженности, а свидетельствуют о невозможности восприятия членов группы как самостоятельных, имущественно обособленных субъектов гражданского оборота. В подобной ситуации к ним необходимо относиться таким образом, как если бы их активы и пассивы по вопросу взаимоотношений с торговым домом были объединены (консолидированы).

Однако учитывая, что с точки зрения корпоративного права должник и компания продолжают оставаться разными организациями (их конкурсные массы не объединены), соответствующие имущественные последствия могут быть достигнуты путем обособления выручки, полученной от торгового дома (что правомерно и осуществлено конкурсным управляющим), и предоставления лицам, фактически задействованным в оказании транспортно-логистических услуг с использованием складского комплекса, прямых требований к этой обособленной сумме.

Разрешая вопрос о размере выплат из конкурсной массы должника, необходимо принять во внимание сложившуюся бизнес-модель отношений в группе. В частности, обществу «Тиера» причитается арендная плата (в состав которой включается прибыль собственника недвижимого имущества), бюджету – налоговые поступления (НДФЛ, отчисления с фонда оплаты труда,

имущественные налоги и т.п.), работникам складского комплекса – заработная плата (напрямую либо через компанию) и т.д.

Арбитражные управляющие

[Определение ВС РФ № 303-ЭС14-4717 \(16, 17\) г. от 20.01.2022 г.](#)

Собранию кредиторов отводится 10 дней для выбора кандидатуры нового арбитражного управляющего или иной саморегулируемой организации. Десятидневный срок начинает течь со дня фиксации факта прекращения полномочий предыдущего управляющего в процессуальном порядке, то есть со дня вынесения судом определения об отстранении. Собрание кредиторов вправе принять соответствующее решение о выборе как до судебного заседания по вопросу об отстранении арбитражного управляющего, так и после принятия судебного акта об этом.

Нарушение указанного 10-дневного срока не является основанием для отказа в назначении того арбитражного управляющего, который предложен собранием кредиторов. На кредиторов, которые добросовестно полагались на заверения управляющего относительно того, что собрание им будет проведено, не могут быть переложены негативные последствия неосуществления выбора новой кандидатуры управляющего или иной саморегулируемой организации.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) совместного предприятия «Аркаим» в форме общества с ограниченной ответственностью союз «Саморегулируемая организация арбитражных управляющих Северо-Запада» обратился в суд с ходатайством, в котором просил отстранить Бабкина Дениса Владимировича от исполнения возложенных на него обязанностей конкурсного управляющего предприятием в связи с применением к Бабкину Д.В. наказания в виде дисквалификации сроком на шесть месяцев за совершение административного правонарушения.

Союз представил к утверждению иную кандидатуру конкурсного управляющего – Рожневу Альбину Игоревну. Определением Арбитражного суда Хабаровского края от 22.01.2021 (резольтивная часть объявлена 19.01.2021) Бабкин Д.В. отстранен от исполнения обязанностей конкурсного управляющего предприятием, новым управляющим утверждена Рожнева А.И.

Постановлением Шестого арбитражного апелляционного суда от 14.04.2021 определение суда первой инстанции отменено в части утверждения конкурсного управляющего, вопрос об утверждении управляющего направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Арбитражный суд Дальневосточного округа постановлением от 18.06.2021 постановление суда апелляционной инстанции отменил, определение суда первой инстанции оставил в силе.

Судебная коллегия считает, что жалобы подлежат удовлетворению по следующим основаниям.

Ходатайство союза поступило в Арбитражный суд Хабаровского края 13.01.2021 в 19 часов 47 минут по московскому времени и зарегистрировано судом 14.01.2021. В информационной системе «Картотека арбитражных дел» размещено определение суда первой инстанции от 15.01.2021, подписанное электронной подписью судьи, которым данное ходатайство союза принято к производству.

Этим определением на конкурсного управляющего возложена обязанность провести собрание кредиторов предприятия для рассмотрения вопроса о выборе иного арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, судебное заседание по рассмотрению ходатайства союза назначено на 04.02.2021 на 12 часов 20 минут. Позднее (18.01.2021) судом первой инстанции вынесено еще одно определение, которым судебное заседание по ходатайству союза назначено к рассмотрению без вызова сторон на следующий день – на 19.01.2021 на 9 часов 35 минут. Во втором определении указание на необходимость проведения собрания кредиторов отсутствует. В материалах дела не имеется доказательств извещения участвующих в деле лиц о месте и времени судебного разбирательства, назначенного на 19.01.2021. Ходатайство союза рассмотрено судом первой инстанции 19.01.2021. В судебное заседание явился только представитель Рожневой А.И. Удовлетворяя ходатайство союза, суд указал на то, что участвующие в деле лица возражений по кандидатуре Рожневой А.И. не заявили, доказательства выбора иной кандидатуры или другой саморегулируемой организации не представили.

Направляя вопрос об утверждении управляющего на новое рассмотрение, суд апелляционной инстанции исходил из того, что кандидатура управляющего, предложенная прежней саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, могла быть утверждена лишь в том случае, когда кредиторы не приняли решение о выборе арбитражного управляющего либо иной саморегулируемой организации арбитражных управляющих в установленный законом 10-дневный срок.

Суд первой инстанции утвердил Рожневу А.И., предложенную союзом, до истечения названного срока, чем нарушил права кредиторов предприятия.

Суд округа, оставляя в силе определение суда первой инстанции, сослался на то, что к моменту рассмотрения кассационной жалобы собранием кредиторов предприятия решение о выборе иной кандидатуры конкурсного управляющего или другой саморегулируемой организации не принято, само собрание не проведено.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Согласно абзацу первому пункта 3 статьи 20.4, абзацу шестому пункта 1 статьи 145 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» применение к арбитражному управляющему наказания в виде дисквалификации за совершение административного правонарушения влечет за собой отстранение управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. В этом случае, как следует из абзаца седьмого пункта 1 статьи 145, пункта 1 статьи 127 Закона о банкротстве и разъяснено в абзаце втором пункта 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», утверждение нового арбитражного управляющего взамен отстраненного осуществляется судьей единолично применительно к порядку, предусмотренному пунктом 6 статьи 45 Закона о банкротстве.

Пункт 6 статьи 45 Закона о банкротстве отводит собранию кредиторов 10 дней для выбора кандидатуры нового арбитражного управляющего или иной саморегулируемой организации. Данный 10-дневный срок начинает течь со дня фиксации факта прекращения полномочий предыдущего управляющего в процессуальном порядке, то есть со дня вынесения судом определения об отстранении.

Собрание кредиторов вправе принять соответствующее решение о выборе как до судебного заседания по вопросу об отстранении арбитражного управляющего, так и после принятия судебного акта об этом. Нарушение указанного 10-дневного срока не является основанием для отказа в назначении того арбитражного управляющего, который предложен собранием кредиторов (пункт 24 обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016, абзац второй пункта 25 постановления № 60).

В рассматриваемом случае суд первой инстанции сначала определением от 15.01.2021 в соответствии с действующим законодательством и приведенными разъяснениями высших судебных инстанций возложил на прежнего конкурсного управляющего обязанность провести собрание кредиторов по выбору нового управляющего или иной саморегулируемой организации и назначил рассмотрение вопроса об утверждении управляющего предприятием на 04.02.2021.

Тем самым суд создал у кредиторов разумные ожидания по поводу того, что собрание состоится, их воля будет учтена. Однако впоследствии определением от 18.01.2021 суд первой инстанции назначил тот же вопрос к рассмотрению на 19.01.2021 на 9 часов 35 минут, не отменив и не скорректировав свое первое определение от 15.01.2021. Второе определение о назначении судебного разбирательства было опубликовано 19.01.2021 в 12 часов 29 минут по местному времени, то есть спустя два с половиной часа после того, как состоялось судебное заседание, на котором судом без предварительного извещения заинтересованных лиц была утверждена кандидатура Рожневой А.И. Таким образом, кредиторы объективно не имели возможности 19.01.2021 принять участие в судебном заседании, привести свою позицию по спорному вопросу.

Суд апелляционной инстанции верно указал на то, что суд первой инстанции, утвердив нового управляющего 19.01.2021, лишил кредиторов возможности организовать и провести собрание, нарушил одно из основных их прав – право на участие в выборе кандидатуры конкурсного управляющего или саморегулируемой организации, закрепленное в абзаце шестом пункта 2 статьи 12 Закона о банкротстве. Фактически вопрос, относящийся к исключительной компетенции собрания

кредиторов, вопреки требованиям абзаца пятнадцатого пункта 2 статьи 12 Закона о банкротстве был передан для разрешения союзу, что недопустимо.

По сути, окружной суд поставил кредиторам в вину бездействие по непроведению собрания в течение длительного периода времени (вплоть до момента рассмотрения кассационной жалобы Рожневой А.И. на постановление суда апелляционной инстанции).

С этим выводом окружного суда судебная коллегия согласиться не может. Так, как уже отмечалось, до утверждения Рожневой А.И. кредиторы не имели возможности провести собрание.

После ее утверждения, как видно из общедоступного Единого федерального реестра сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ), они направили Рожневой А.И. требование о проведении собрания. Рожнева А.И. опубликовала 17.02.2021 сообщение о назначении собрания на 03.03.2021. Впоследствии (03.03.2021) она отменила данное собрание, разместив соответствующую информацию в ЕФРСБ и включив в текст объявления информацию о том, что в ближайшее время ею будет опубликовано повторное уведомление о новом собрании. Новое собрание управляющий 18.03.2021 назначил на 02.04.2021. Данное собрание 01.04.2021 отменено Рожневой А.И., о чем свидетельствует ее сообщение в ЕФРСБ. В этом сообщении она вновь указала на то, что в скором времени уведомит о новой дате собрания.

Следующее сообщение о собрании кредиторов Рожнева А.И. разместила в ЕФРСБ 03.06.2021, назначив собрание на 18.06.2021. Это собрание отменено управляющим 14.06.2021. На следующий день после отмены собрания (15.06.2021) суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции по мотиву невыражения кредиторами воли на выбор нового управляющего или смену саморегулируемой организации.

Вне зависимости от того, имелись ли у Рожневой А.И. объективные причины для многократных отмен назначенных ею же собраний или нет, на кредиторов, которые добросовестно полагались на заверения управляющего относительно того, что собрание им будет проведено, судом округа не могли быть переложены негативные последствия неосуществления выбора новой кандидатуры управляющего или иной саморегулируемой организации. С учетом изложенного, у суда округа не имелось оснований для отмены законного и обоснованного постановления суда апелляционной инстанции, принятого в пределах его полномочий (пункт 2 части 4 статьи 272 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

В настоящее время в ЕФРСБ размещена информация о том, что на основании сообщения от 09.07.2021 состоялось собрание кредиторов предприятия от 23.07.2021, на котором принято решение о выборе иной саморегулируемой организации, из числа членов которой подлежит утверждению управляющий – не союза, а некоммерческого партнерства «Саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Развитие».

Оспаривание сделок

[Определение ВС РФ № 302-ЭС21-17975 от 20.01.2022](#)

По правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве не могут быть оспорены операции, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений в рамках одного подрядного правоотношения, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком какого-либо предпочтения. Это касается и тех случаев, когда сальдируются в банкротстве требования подрядчика по оплате выполненных работ и требования заказчика по оплате предоставляемых подрядчику материалов и ресурсов.

Причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает не заказчик, констатировавший факт сальдирования, а сам подрядчик, соглашаясь на отступление от диспозитивного правила о выполнении работ иждивением подрядчика, потребляя в ходе исполнения своих обязательств ресурсы заказчика и используя его содействие (пункт 1 статьи 704, статья 718 ГК РФ).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Восток ЛТД» (10.05.2016 возбуждено производство по настоящему делу о банкротстве общества) его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением, в котором просил признать

недействительными сделки, направленные на прекращение зачетом встречных денежных обязательств общества и акционерного общества «Верхнечонскнефтегаз», оформленных в период с 26.11.2015 по 31.05.2016 девятнадцатью двусторонними актами, на общую сумму 239 786 896 рублей 89 копеек, применить последствия их недействительности.

Определением Арбитражного суда Иркутской области от 22.05.2020 заявление управляющего удовлетворено частично: признаны недействительными сделки, оформленные девятью актами (от 10.04.2016 № 100, от 10.04.2016 № 101, от 20.04.2016 № 80, от 22.04.2016 № 102 от 22.04.2016 № 103, от 10.05.2016 № 129, от 10.05.2016 № 130, от 31.05.2016 № 131, от 31.05.2016 № 132), применены последствия их недействительности в виде восстановления задолженности компании перед обществом на сумму 122 873 510 рублей 4 копейки и задолженности общества перед компанией на ту же сумму.

Постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2021 определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа постановлением от 18.06.2021 определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

До возбуждения данного дела общество выполняло по заданию компании работы по строительству и реконструкции объектов на Верхнечонском нефтегазоконденсатном месторождении на основании ряда документов, поименованных договорами и подписанных представителями компании и общества. В период выполнения работ компания передавала обществу материалы, дизельное топливо, электроэнергию, организовывало доставку сотрудников общества авиатранспортом на месторождение.

Признанными недействительными двусторонними актами компания (заказчик) и общество (подрядчик) вычитали из стоимости подлежащих оплате заказчиком работ стоимость переданных подрядчику материалов, топлива, электроэнергии и расходов по доставке персонала подрядчика. Акты подписаны в пределах месячного срока, предшествующего возбуждению дела о банкротстве общества, и после его возбуждения. На момент подписания актов обществом не исполнялись обязательства перед иными кредиторами, требования которых впоследствии включены в реестр требований кредиторов общества.

Суды сочли, что акты направлены на прекращение встречных однородных обязательств зачетом, компании оказано предпочтение в удовлетворении его требований по оплате реализованных обществу товаров, топлива, электроэнергии, услуг по перевозке сотрудников по отношению к требованиям других кредиторов общества, которые остались непогашенными.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В рассматриваемом случае на протяжении всего спора компания неоднократно ссылалась на то, что она и общество были связаны лишь подрядными отношениями, между ними не имелось самостоятельных отношений по купле-продаже материалов, дизельного топлива, энергии, возмездному оказанию услуг по перевозке сотрудников общества.

Данные возражения компании суды надлежащим образом не проверили, ошибочно отождествив отдельные документы, поименованные сторонами договорами, с договором - соглашением.

Характерной особенностью связи продавца и покупателя, закрепленной в соглашении (договоре - соглашении) о купле-продаже, является то, что по подобному соглашению одна сторона (продавец) обязуется передать товар в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель должен принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (пункт 1 статьи 454 ГК РФ).

В ситуации, когда стороны договора подряда исключают действие содержащейся в пункте 1 статьи 704 ГК РФ диспозитивной нормы о том, что работы выполняются из материалов подрядчика, и заказчик фактически передает эти материалы подрядчику для выполнения работ, между ними не возникают отношения по купле - продаже. Равным образом, при закреплении в соглашении подряда и заказчика договорной обязанности о содействии заказчика (статья 718 ГК РФ) данная договорная обязанность не имеет самостоятельную правовую природу, она выступает частью подрядных отношений и является встречной по отношению к обязанности подрядчика своевременно начать и в согласованный срок закончить работы.

Для правильной квалификации возникших между обществом и компанией отношений и разрешения вопроса о применении к ним правил об отдельных видах договоров судам необходимо было, прежде всего, определить условия сделки, истолковав подписанные сторонами документы в

соответствии с правилами статьи 431 ГК РФ, не ограничиваясь одним лишь воспроизведением наименования данных документов, указанного сторонами.

По мнению компании, исходя из особенностей места выполнения работ (автономное месторождение без свободного доступа к инфраструктуре и населенным пунктам) сторонами была выбрана модель выполнения подрядных работ с использованием материалов заказчика и при его содействии – с потреблением материалов заказчика, расходом его ресурсов (электроэнергии и дизельного топлива), организацией заказчиком доставки работников подрядчика на удаленный объект, что не изменяет правовую природу сложившихся подрядных отношений и не свидетельствует о возникновении самостоятельных отношений как по подряду, так и по купле-продаже, возмездному оказанию услуг. Так, компания обращала внимание на то, что двусторонние документы, были озаглавлены как «договоры на выполнение ... работ ... с использованием схемы реализации материалов и давальческой схемы». По мере вовлечения материалов заказчика в строительство они отражались подрядчиком в графе «материалы заказчика» актов о приемке выполненных работ, составленных по форме КС-2. Положения об обеспечении строительства материалами заказчика прямо включены в текст документов, названных договорами. В тексте данных документов также закреплена обязанность заказчика по организации доставки персонала подрядчика на месторождение.

Согласно сложившейся судебной арбитражной практике действия, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений в рамках одного подрядного правоотношения, не являются операцией, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам, соглашаясь на отступление от диспозитивного правила о выполнении работ иждивением подрядчика, потребляя в ходе исполнения своих обязательств ресурсы заказчика, используя его содействие (пункт 1 статьи 704, статья 718 ГК РФ), а не заказчик, констатировавший факт сальдирования (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946, от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075, от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744, от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043(2, 3) и др.).

Не проверили суды должным образом и возражения компании относительно того, что несмотря на подписание нескольких документов, названных договорами подряда, она и общество заключили один договор подряда - соглашение. Компания полагала, что упомянутые документы объединены общей целью – строительство и реконструкция объектов нефтегазодобычи, обеспечивающих надлежащую эксплуатацию одного и того же Верхнечонского нефтегазоконденсатного месторождения, транспортировку добытой нефти. Стороны при исполнении обязательств не разграничивали договоры между собой, в частности, заказчик передавал, а подрядчик принимал материалы без разбивки на тот или иной договор-документ.

[Определение № 305-ЭС20-16615 \(2\) от 24.01.2022](#)

Цепочка последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может быть создана формально для прикрытия одной сделки, направленной на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара. В таком случае воля первого приобретателя выражается лишь для вида без реального намерения породить отраженные в первом договоре купли-продажи последствия. Такая цепочка сделок как притворная единая сделка – ничтожна, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной по правилам ст. 61.2 Закона о банкротстве с возвратом в конкурсную массу отчужденного имущества по правилам ст. 61.6 Закона о банкротстве.

Если же первый приобретатель вступил в реальные договорные отношения, то права должника (его кредиторов) защищаются путем подачи заявления об оспаривании первой сделки осуществляется по правилам ст. 61.8 Закона о банкротстве к первому приобретателю. В случае признания первой сделки недействительной право собственности не переходит к последующим приобретателям имущества в силу отсутствия необходимого на то основания и спорная вещь может быть истребована у ее конечного приобретателя по правилам статей 301 и 302 ГК РФ посредством предъявления к нему виндикационного иска. В таком случае виндикационный иск

может быть рассмотрен судом в деле о банкротстве должника-продавца совместно с заявлением о недействительности первой сделки.

В случае признания конечного приобретателя банкротом виндикационное правопритязание продавца не трансформируется в денежные требования для включения в реестр требований кредиторов такого конечного приобретателя. При наличии оснований для удовлетворения виндикационного иска вещь в конкурсную массу такого приобретателя не включается и подлежит передаче собственнику.

Обществу "СК "Рослес" на праве собственности принадлежало восемь земельных участков с кадастровыми номерами 40:03:011004:254, 40:03:011004:246, 40:03:011004:248, 40:03:011004:260, 40:03:011004:253, 40:03:011004:245, 40:03:011004:255, 40:03:011004:252, расположенных на поле № 7 контур 41 в районе деревни Комлево Боровского района Калужской области. Балансовая стоимость спорных участков составляла 48 000 000 руб.

27.07.2016 общество "СК "Рослес" продало спорные участки аффилированному с ним обществу с ограниченной ответственностью "Актив Плюс" за 14 651 000 руб. Покупатель стоимость спорных участков не оплатил. Право собственности на спорные участки зарегистрировано за ним 01.08.2016.

15.08.2016 у общества "СК "Рослес" отозвана лицензия на страховую деятельность, введена временная администрация. Впоследствии 09.11.2016 Арбитражный суд Ростовской области возбудил дело о его банкротстве, а 12.12.2016 признал его банкротом и ввел конкурсное производство.

13.09.2016 общество "Актив Плюс" продало спорные участки обществу "СК"Подмосковье" за 9223771 руб., после чего право собственности на спорные участки зарегистрировано за последним.

Конкурсный управляющий общества "СК "Рослес" предпринял ряд мер по возврату спорных участков.

1) В деле о банкротстве общества "СК"Рослес" (№ А53-30450/2016) оспорены сделки по продаже спорных участков обществу "Актив Плюс".

Определением Арбитражного суда Ростовской области от 16.07.2018 на основании пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве признан недействительным заключенный 27.07.2016 между обществами "СК "Рослес" и "Актив Плюс" договор купли-продажи спорных участков. Суд установил противоправную цель сделки по выводу имущества должника в ущерб его кредиторам, аффилированность продавца и покупателя, а также фактическую безвозмездность сделки.

Поскольку покупателем спорные участки уже были отчуждены, суд взыскал с общества "Актив Плюс" в пользу общества "СК"Рослес" их рыночную стоимость в размере 48 000 000 руб.

2) Общество "СК "Рослес" обратилось в Арбитражный суд Калужской области с иском к обществу "СК"Подмосковье" об истребовании из его незаконного владения спорных участков (дело № А23-5156/2018).

Определением от 26.06.2019, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 04.09.2019, иск оставлен без рассмотрения. Суды указали, что виндикация может повлечь изъятие имущества из конкурсной массы и затронуть интересы кредиторов должника, следовательно, требование должно рассматриваться в деле о банкротстве общества "СК "Подмосковье".

3) В рассматриваемом обособленном споре общество "СК "Рослес" в деле о банкротстве общества "СК "Подмосковье" обратилось в суд с заявлением об истребовании из незаконного владения общества "СК"Подмосковье" и исключении из его конкурсной массы спорных участков.

Определением Арбитражного суда Московской области от 27.08.2020, оставленным без изменения постановлениями апелляционного и окружного судов от 17.03.2021 и от 22.07.2021, в удовлетворении заявления отказано ввиду неразрешенности вопроса о праве собственности в споре по делу № А53- 30450/2016 о недействительности первой сделки.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Целью конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов должника-банкрота. С этой целью конкурсный управляющий вправе подавать в арбитражный суд от имени должника заявления о признании недействительными сделок и о применении последствий недействительности ничтожных сделок, заключенных или исполненных должником, предъявлять иски об истребовании имущества должника у третьих лиц (статья 2, пункт 3 статьи 129 Закона о банкротстве).

Имущество должника, находившегося в преддверии банкротства, могло быть отчуждено как по одной, так и по нескольким сделкам, взаимосвязанных между собой или нет. В связи с этим различны способы защиты интересов конкурсной массы и кредиторов этого должника.

Воля первого приобретателя на получение права собственности на имущество должника (а возможно и последующих, исключая последнего) выражается лишь для вида без реального намерения породить отраженные в первом договоре купли-продажи последствия.

Личность таких приобретателей может использоваться в качестве инструмента для вывода активов должника из-под угрозы обращения на него взыскания по требованиям кредиторов. В действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка - сделка по передаче права собственности на имущество от должника к бенефициару указанной сделки по выводу активов: лицу, числящемуся конечным приобретателем, либо вообще не названному в формально составленных договорах. Отчуждаемое имущество все время находится под контролем этого бенефициара. Такая цепочка сделок как притворная единая сделка в силу пункта 2 статьи 170 ГК РФ ничтожна, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве по правилам статьи 61.6 того же закона.

Если первый приобретатель вступил в реальные договорные отношения с должником, действительно желая создать правовые последствия в виде перехода к нему права собственности, то при отчуждении им спорного имущества на основании последующих сделок права должника (его кредиторов) подлежат защите путем предъявления заявления об оспаривании первой сделки по правилам статьи 61.8 Закона о банкротстве к первому приобретателю.

В случае признания первой сделки недействительной право собственности не переходит к последующим приобретателям имущества в силу отсутствия необходимого на то основания и спорная вещь может быть истребована у ее конечного приобретателя по правилам статей 301 и 302 ГК РФ посредством предъявления к нему виндикационного иска. Виндикационный иск может быть рассмотрен судом в деле о банкротстве совместно с заявлением о недействительности первой сделки (если иск о виндикации подсуден этому суду), либо иным судом, определенным в соответствии с компетенцией судов и подсудностью дел (пункт 16 постановления № 63).

Указанная правовая позиция изложена ранее в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678, от 27.08.2020 № 306-ЭС17-11031(6).

Как следует из абзацев четвертого и пятого пункта 16 постановления № 63, принятие судом в деле о банкротстве судебного акта о применении последствий недействительности первой сделки путем взыскания с другой стороны сделки стоимости вещи не препятствует удовлетворению иска о ее виндикации, если только к моменту рассмотрения виндикационного иска стоимость вещи уже не уплачена должнику стороной первой сделки. При наличии судебных актов и о взыскании стоимости вещи у первого приобретателя, и о ее виндикации у иного лица одновременное их исполнение недопустимо.

Следует заметить, что в силу абзаца седьмого пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве истребование кредитором (в данном случае обществом "СК "Рослес") имущества из чужого незаконного владения не относится к числу тех требований, которые могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства в деле о банкротстве должника (в данном случае общества "СК "Подмосковье"). В связи с этим виндикационное требование общества "СК "Рослес" к обществу "СК "Подмосковье" о возвращении спорных участков в свою конкурсную массу могло и должно было рассматриваться по существу вне рамок дела о банкротстве последнего в споре о виндикации.

Суды отказали в удовлетворении требований общества "СК "Рослес", так как в деле № А53-30450/2016 не был разрешен вопрос о праве собственности на истребуемое имущество. Суды также указали, что договор купли-продажи между обществами "Актив Плюс" и "СК "Подмосковье" недействительным не признан и спорные участки составляют конкурсную массу общества "СК "Подмосковье". В этой связи требование общества "СК "Рослес" подлежит трансформации в денежное и предъявлению в соответствующем порядке.

Судебная коллегия считает ошибочной позицию нижестоящих судов о том, что вследствие оспаривания первой сделки право собственности на земельные участки за должником (обществом "СК "Рослес") восстановлено не было. Во-первых, из материалов дела не усматривается, что кем-либо ставилось под сомнение наличие у общества "СК "Рослес" права собственности на спорные участки на момент их первоначального отчуждения обществу "Актив Плюс". Вопрос о принадлежности имущества

истцу ранее исследован судом при разрешении спора о недействительности сделки и ее последствиях. Факт перерегистрации права собственности отмечен в судебном акте, принятым в пользу общества "СК "Рослес". Во-вторых, признание первой сделки недействительной означает, что контрагент должника по такой сделке (общество "Актив Плюс") не обладал распорядительной властью для перенесения права собственности на общество "СК "Подмосковье" (конечный приобретатель), то есть последнее не приобрело право собственности по такой сделке по смыслу статьи 131 Закона о банкротстве.

Общество "СК "Рослес" требовало у общества "СК "Подмосковье" вернуть ему свою вещь, а не исполнить какие-либо обязательства имущественного характера (передать имущество в собственность, выполнить работы и оказать услуги и т.п.). Наличие спорных участков у общества "СК "Подмосковье" не отрицалось последним. В связи с этим у судов не имелось каких-либо оснований для применения второго абзаца пункта 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" и вывода о трансформации правоприязаний общества "СК "Рослес" в денежные требования и их включении в реестр требований кредиторов общества "СК "Подмосковье" наравне с другими кредиторами.

[Определение ВС РФ № 304-ЭС17-18149 \(10-14\) от 26.01.2022](#)

Осуществляемый контролирующими лицами перевод бизнеса с одного лица на другое, что является распространенным явлением в сфере ЖКХ, как правило, носит недобросовестный характер, так как зачастую сопровождается неоплатой долгов перед кредиторами первой компании с лишением их возможности получить удовлетворение в банкротных процедурах. При заведомо убыточной деятельности (которая в силу публичных функций не может быть прекращена) контролирующие лица могут либо систематически докапитализировать (субсидировать) предприятия ЖКХ, либо передавать их функции новому лицу, пытаясь тем самым недобросовестно переложить на кредиторов предприятия риски убыточности подобной деятельности.

В то же время приобретение должником прав требований к неплатежеспособному предприятию по номиналу с экономической точки зрения являлось переводом долга с прежнего предприятия на новое. Соответственно, оспариваемые уступки, фактически опосредовавшие реструктуризацию задолженности перед ответчиками-ресурсоснабжающими организациями, не могут быть квалифицированы как направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов должника, тем более при отсутствии оснований для применения положений ст. 10 ГК РФ.

В ином случае признание такого рода сделок недействительными будет свидетельствовать о перекладывании рисков с публично-правового образования на частных лиц (кредиторов), что не может быть признано допустимым.

Должник (предприятие «ССК») являлся единой теплоснабжающей организацией на территории города Новокузнецка. Ранее до середины 2012 года аналогичные функции выполняло муниципальное предприятие «Городская тепловая компания».

29.06.2012 КУМИ, являющийся собственником имущества предприятия «ГТК», издал приказ № 477 об изъятии с баланса последнего тепловых сетей и сетей теплоснабжения.

16.07.2012 на основании распоряжения администрации Новокузнецка № 1589 и приказа КУМИ № 490 было создано предприятие «ССК» (должник). Директором должника назначен Казека В.В., который ранее являлся директором предприятия «ГТК». В период с июля по декабрь 2012 года за должником было закреплено имущество прежнего предприятия (котельные, тепловые сети, транспортные средства и т.д.).

При этом к июлю 2012 года у предприятия «ГТК» сложилась задолженность перед ресурсоснабжающими организациями (ответчиками – обществами «ЕВРАЗ» и «Кузбассэнерго»). 10 и 13 августа 2012 между ресурсоснабжающими организациями и предприятием «ССК» заключены договоры уступки прав требования, на основании которых предприятие «ССК» выкупало у ресурсоснабжающих организаций задолженность предыдущего предприятия по номинальной стоимости.

После этого в отношении предприятия «ГТК» было возбуждено дело о банкротстве (№ А27-14600/2012), в рамках которого требования предприятия «ССК» как цессионария (правопреемника ресурсоснабжающих организаций) были включены в реестр. Банкротство предприятия «ГТК» в настоящее время завершено, оно ликвидировано. Полагая, что соглашения об уступке прав требования от 10 и 13 августа 2012 года, а также действия по их исполнению являются недействительными, кредиторы предприятия «ССК» обратились в суд с заявлениями по настоящему обособленному спору.

Суды отметили, что конкурсное производство в отношении должника открыто 04.05.2016. С иском кредиторы – общества «Дудук» и «Стройград» – обратились 02.08.2017 (в отношении общества «Кузбассэнерго») и 04.08.2017 (в отношении общества «ЕВРАЗ»). Общество «СЭК» и ФНС России с аналогичными требованиями обратились 05.10.2018 (в отношении общества «Кузбассэнерго») и 08.10.2018 (в отношении общества «ЕВРАЗ»). Суды отметили, что требования правопродшественника общества «Дудук» (ООО «НТС») установлены 17.10.2016.

Исходя из конкретных обстоятельств установления спорного требования, суд первой инстанции отметил, что по требованию данного общества срок исковой давности не мог начать течь ранее включения в реестр его требований в настоящем деле (в том числе приняв во внимание длительность общеискового процесса по взысканию задолженности с предприятия, которая и была установлена в реестре), в связи с чем признал срок исковой давности по специальным основаниям для данного общества не пропущенным. При этом суд также отметил, что указанное общество отвечает 10 % критерию для оспаривания сделок. При исчислении данного порогового значения суд не учитывал включенные в реестр требования КУМИ как лица, одобрявшего спорные сделки.

В отношении требований ФНС России и общества «СЭК» суды пришли к выводу, что данные кредиторы должны были узнать о факте совершения спорных сделок на первом собрании (где участвовали их представители), но в любом случае не позднее 21.07.2016 (даты публикации конкурсным управляющим акта инвентаризации), в связи с чем для них (обратившихся с исками только в конце 2018 года) годичный срок исковой давности пропущен, а их доводы могут быть проверены только на предмет наличия в действиях ответчиков признаков злоупотребления правом.

Ресурсоснабжающие организации не могли не осознавать низкую ликвидность приобретенного должником актива (дебиторской задолженности прежнего предприятия) и незначительную вероятность удовлетворения требований цессионария. В итоге в деле о банкротстве предприятия «ГТК» требования цессионария удовлетворены только на 0,45433 %. Суды указали, что перечисленные ресурсоснабжающим организациям денежные средства являлись средствами самого должника, полученными от хозяйственной деятельности, либо за счет средств субсидий, подлежащих направлению на компенсацию текущих убытков; по существу приобретение прав требования к неплатежеспособному лицу опосредовало вывод активов, что не отвечало интересам должника. Суды также обратили внимание на то, что вывод о невыгодности спорных сделок подтверждается результатами (рассмотренного в рамках настоящего дела о банкротстве) спора о привлечении КУМИ и директора должника Казеки В.В. к субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства в результате совершения этих сделок (определение от 06.03.2020). При таких условиях суды пришли к выводу о ничтожности спорных сделок и действий по их исполнению как совершенных со злоупотреблением правом (статьи 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации), удовлетворив заявленные требования.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Правонарушение, заключающееся в необоснованном принятии должником дополнительных долговых обязательств и (или) в необоснованной передаче им имущества другому лицу, причиняющее ущерб конкурсной массе и, как следствие, наносящее вред имущественным правам кредиторов должника, является основанием для признания соответствующих сделок недействительными по специальным правилам, предусмотренным статьей 61.2 Закона о банкротстве. Вопрос о допустимости оспаривания таких сделок на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации неоднократно рассматривался Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.06.2014 № 10044/11, определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.2016 № 306-ЭС15-20034, от 29.04.2016 № 304-ЭС15-20061, от 31.08.2017 № 305-

ЭС17-4886, от 24.10.2017 № 305-ЭС17-4886 (1), от 17.12.2018 № 309-ЭС18-14765, от 06.03.2019 № 305-ЭС18-22069, от 09.03.2021 № 307-ЭС19-20020 (8, 10), от 09.03.2021 № 307-ЭС19-20020 (9), от 21.10.2021 № 305-ЭС18-18386 (3) и др.).

При этом сделки, указанные в статье 61.2 Закона о банкротстве, являются оспоримыми и на них распространяется годичный срок исковой давности, установленный пунктом 2 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации. В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.06.2014 № 10044/11 особо обращено внимание на недопустимость квалификации сделок с предпочтением или подозрительных сделок как ничтожных в целях обхода правил о сроке исковой давности по оспоримым сделкам. В рассматриваемом случае в обоснование вывода о недействительности уступок суды указали на то, что эти сделки, заключенные в пределах трех лет до возбуждения дела о банкротстве (период подозрительности, предусмотренный пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве), опосредовали приобретение прав требования к неплатежеспособному лицу, то есть были направлены на вывод активов должника по завышенной цене, ответчики должны осознавать низкую ликвидность приобретенных должником прав требования к неплатежеспособному предприятию «ГТК».

Вмененные компании нарушения в полной мере укладывались в диспозицию пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, подлежащей применению в качестве специального средства противодействия недобросовестным действиям в преддверии банкротства, грубо нарушающим права кредиторов. С учетом изложенного вопреки выводам судов оснований для применения к спорным отношениям статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации не имелось.

Проверяя спорные сделки на предмет подозрительности (пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве), необходимо принимать во внимание следующее. Как установили суды, в период заключения оспариваемых сделок КУМИ как собственник имущества предприятия «ГТК» изъял у последнего имущественный комплекс (котельные, тепловые сети, транспортные средства, дебиторскую задолженность населения и иных потребителей и т.д.), для ведения хозяйственной деятельности создал МП «ССК» и передал изъятое имущество в это новое предприятие. Приобретение должником (МП «ССК») прав требования к неплатежеспособному предприятию «ГТК» по номиналу с экономической точки зрения являлось переводом долга с прежнего на новое предприятие. Тем самым, спорные сделки фактически являлись составной частью комплекса мероприятий по созданию организации-двойника, то есть переводу всей деятельности, которую осуществляло предприятие «ГТК», на новое предприятие «ССК». Должник как новое лицо, реализующее функции публичного образования в сфере снабжения граждан и иных потребителей жилищно-коммунальными услугами, получил имущественный комплекс прежнего предприятия, состоящий не только из активов, но и пассивов, в частности, кредиторской задолженности перед ресурсоснабжающими компаниями. В связи с этим оспариваемые сделки необходимо было оценивать не обособленно, а в контексте состоявшегося перевода деятельности на новое предприятие. Принимая во внимание названные обстоятельства, установленные судами, судебная коллегия приходит к выводу, что оспариваемые уступки, фактически опосредовавшие реструктуризацию задолженности перед ответчиками ввиду осуществления публичным органом изменений в структуре управления жилищно-коммунальной сферой города Новокузнецка, не могут быть квалифицированы как направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов должника.

Более того, в рассматриваемом случае отсутствует и признак осведомленности цедентов (ответчиков) о недобросовестной цели (в случае если бы таковая была) заключения сделок по отношению к иным кредиторам МП «ССК», поскольку перевод деятельности (в том числе перевод задолженности цедентов на новое предприятие) был инициирован самим КУМИ. Заключая оспариваемые сделки, ресурсоснабжающие компании, хотя и действовали к собственной выгоде (желая сохранить отношения с функционирующей, а не банкротящейся организацией), тем не менее, не могли не исходить из состоявшегося факта перевода деятельности с одного предприятия на другое. При этом, как установлено судами и не оспаривалось лицами, участвующими в деле, КУМИ осуществил более чем достаточную капитализацию МП «ССК», так как полученная последним стоимость активов значительно превышала размер кредиторской задолженности. При таких условиях у ответчиков отсутствовали основания сомневаться в действительности сделок, их поведение не может быть признано недобросовестным.

Специальные составы недействительности, предусмотренные законодательством о несостоятельности, являются средством защиты интересов кредиторов должника, а не иных лиц. В отношении конкурсного оспаривания судебной практикой выработано толкование, согласно которому при разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке. Соответственно, право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2020 № 306-ЭС20-2155, от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5613, от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837).

Как следует из материалов дела и не отрицали лица, участвующие в обособленном споре, задолженность предприятия «ССК» по уступкам образовалась спустя месяц после его создания в условиях, когда иные кредиторы (за исключением КУМИ) у должника отсутствовали. При этом КУМИ не может рассматриваться как кредитор, в чьих интересах подлежат оспариванию названные сделки, поскольку КУМИ являлся инициатором их заключения и одобрил их как собственник имущества должника. Требования же должника перед иными кредиторами возникли позже требований ответчиков. Соответственно, вступая в отношения с должником, иные кредиторы могли учитывать наличие в структуре активов и пассивов кредиторской задолженности перед ресурсоснабжающими компаниями, и напротив, у них не могли возникнуть разумные правовые ожидания отсутствия у контрагента долга перед ответчиками. В силу этого интересы таких кредиторов не могут быть противопоставлены ответчикам в целях оспаривания сделки.

Сам по себе осуществляемый контролирующими лицами перевод бизнеса с одного лица на другое, как правило, носит недобросовестный характер, так как зачастую сопровождается неоплатой долгов перед кредиторами первой компании с лишением их возможности получить удовлетворение в банкротных процедурах. Это происходит по той причине, что помимо передачи имущественного комплекса (который имеет самостоятельную ценность и может быть реализован с торгов) на новое лицо переводятся также персонал и иные бизнес-процессы, в совокупности позволяющие генерировать доход и оплачивать долги перед кредиторами. В сфере жилищно-коммунального хозяйства перевод бизнеса является относительно распространенным явлением, обусловленным объективно убыточным характером такой деятельности в связи с низкой платежеспособностью населения (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 № 305-ЭС21-4666 (1, 2, 4), от 21.10.2021 № 307-ЭС21-5954 (2, 3)).

При заведомо убыточной деятельности (которая в силу публичных функций не может быть прекращена) контролирующие лица могут либо систематически докапитализировать (субсидировать) предприятия ЖКХ, либо передавать их функции новому лицу, пытаясь тем самым недобросовестно переложить на кредиторов первого предприятия риски убыточности подобной деятельности. В рассматриваемом деле в условиях состоявшегося привлечения КУМИ к субсидиарной ответственности (определение от 06.03.2020) суды, признав оспариваемые сделки с ресурсоснабжающими компаниями недействительными, переложили с публично-правового образования на частных лиц (кредиторов) указанные риски, фактически обязав последних отвечать за убыточный характер деятельности предприятий ЖКХ в городе Новокузнецке, что не может быть признано допустимым. Таким образом, у судов не имелось оснований для признания оспариваемых сделок недействительными в соответствии с положениями статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Вместе с тем, кредиторами оспаривались не только сами договоры уступки, но и конкретные действия по их исполнению.

Часть из оспоренных операций по исполнению договоров уступки совершены в период с 15.01.2015 по 12.02.2015, то есть в пределах шести месяцев до возбуждения дела о банкротстве, а потому исходя из разъяснений, изложенных в пункте 9.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», такие операции должны были быть проверены на предмет действительности по правилам пунктов 1 и 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2019 № 306-ЭС19-13841), что судами сделано не было.

Полагая, что однолетний срок исковой давности не пропущен обществом «Дудук», суды исходили из соблюдения данным обществом 10 % критерия для оспаривания сделок. При исчислении данного порогового значения суды не учитывали включенные в реестр требования КУМИ как лица, одобрившего спорные сделки. Вместе с тем в силу пункта 2 статьи 61.9 Закона о банкротстве для целей определения 10 % порогового значения не учитываются требования кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц. Смысл названного правила состоит в том, чтобы требования кредитора, незаинтересованного в оспаривании сделки (то есть пребывающего в состоянии конфликта интересов), не препятствовали предъявлению соответствующего иска. В данном же случае КУМИ, напротив, поддерживало заявленные требования, удовлетворение которых фактически приводило к освобождению КУМИ от субсидиарной ответственности. В связи с этим вопреки выводам судов требования КУМИ не подлежали вычету при определении права общества «Дудук» на оспаривание сделки. При этом, даже если у названного общества отсутствовало право на самостоятельное предъявление заявленных требований, необходимо учитывать, что иск о конкурсном оспаривании является групповым косвенным иском, предъявляемым в интересах гражданско-правового сообщества кредиторов должника. Соответственно, если в пределах однолетнего срока исковой давности к обществу «Дудук» присоединились кредиторы, требования которых в совокупности с требованием общества «Дудук» составляют 10 %, в удовлетворении иска не могло быть отказано по мотиву недостижения истцом порогового значения.

В отношении требований ФНС России и общества «СЭК» необходимо отметить следующее. Суды пришли к выводу, что данные кредиторы должны были узнать о факте совершения сделок по исполнению договоров на первом собрании (где участвовали их представители), но в любом случае не позднее 21.07.2016 – даты публикации конкурсным управляющим акта инвентаризации. Однако само по себе ознакомление с актом инвентаризации, в котором отражен размер остаточной задолженности по конкретным договорам, не свидетельствует о наличии у кредиторов информации о конкретных операциях, направленных на исполнение должником этих договоров. В то же время разумный кредитор, осведомленный о состоявшемся исполнении должником договора на значительную сумму, поинтересуется тем, как именно исполнялся этот договор, в том числе в целях возможного анализа действий по исполнению на предмет наличия признаков предпочтения (статья 61.3 Закона о банкротстве). Соответственно, срок исковой давности по заявленным ФНС России и обществом «СЭК» требованиям должен быть исчислен с учетом количества времени, разумно необходимого им для получения информации об операциях по исполнению договоров.

[Определение ВС РФ № 306-ЭС16-9556 \(6\) от 14.02.2022](#)

1. Несоблюдение запрета, установленного пунктом 4 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации, влечет ничтожность договора как несоответствующего требованиям закона (статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации). Оспаривание договора по специальным банкротным основаниям не влияет на квалификацию договора как ничтожного.

2. Незаявление кредитором требований в порядке, установленном законодательством о несостоятельности, свидетельствует о фактическом его отказе от материальных притязаний к должнику посредством банкротных процедур. При таких обстоятельствах данный кредитор лишен права на обжалование судебного акта об утверждении мирового соглашения со ссылкой на положения статьи 42 АПК РФ.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) открытого акционерного общества Концерн «Артромед» его конкурсный управляющий обратился в Арбитражный суд Саратовской области с заявлением об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу о банкротстве должника.

Определением суда первой инстанции от 18.03.2021 утверждено мировое соглашение от 31.12.2020, заключенное между должником и кредиторами (обществом с ограниченной ответственностью «Строительно-монтажное управление No 36», Федеральным государственным казенным учреждением «Войсковая часть 71330», Хачатряном Гагиком Аветиковичем), производство по делу о несостоятельности (банкротстве) должника прекращено.

Постановлением суда округа от 16.06.2021 определение от 18.03.2021 отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В ходе процедуры конкурсного производства выявлено имущество общества – земельный участок и расположенный на нем объект незавершенного строительства.

По условиям мирового соглашения указанное имущество подлежит передаче Хачатрян Г.А. после погашения им всей суммы кредиторской задолженности.

Утверждая мировое соглашение, суд первой инстанции исходил из того, что данное имущество принадлежит должнику на праве собственности. Судом принято во внимание решение арбитражного суда от 29.07.2019 по делу No А57- 4137/2019, которым признаны незаконными действия Управления федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Саратовской области (далее – Росреестр) по государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок на основании договора купли-продажи от 17.01.2011 (далее – договор от 17.01.2011), заключенного между обществом и индивидуальным предпринимателем Яскевичем Виктором Васильевичем, на Росреестр возложена обязанность погасить (аннулировать) в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) запись от 06.03.2014 No 64-64-23/004/2014-213 о регистрации права собственности Яскевича В.В. на земельный участок на основании договора от 17.01.2011, а также восстановить в ЕГРН запись о праве собственности на него за должником.

Мировое соглашение утверждено решением собрания кредиторов должника, не противоречит требованиям Федерального закона от 26.10.2002 No 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», не нарушает прав и законных интересов третьих лиц.

Отменяя определение, суд округа исходил из того, что в 2008 году Яскевич В.В. перечислил обществу 10 000 000 руб. в счет оплаты по договору участия в долевом строительстве, который не был заключен, денежные средства Яскевичу В.В. не возвращены. Впоследствии между обществом и Яскевичем В.В. заключен договор от 17.01.2011 купли-продажи спорного земельного участка, который оплачен покупателем (Яскевичем В.В.) за счет денежных средств (10 000 000 руб.), внесенных последним в 2008 году.

Суд округа отметил, что в рамках дела о банкротстве должника в признании договора от 17.01.2011 недействительным отказано (постановление суда апелляционной инстанции от 17.06.2016), поскольку сделка совершена за пределами срока подозрительности при равноценном встречном исполнении.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Одним из основных принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (подпункт 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации).

Пунктом 4 статьи 35 данного Кодекса установлен запрет на отчуждение земельного участка без находящихся на нем здания, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу. Сделки, совершенные в нарушение, данного запрета, являются ничтожными (пункт 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 No 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства»).

При рассмотрении спора по делу No А57-4137/2019 судами установлено, что на земельном участке на момент его продажи в пользу Яскевича В.В. и совершения регистрационных действий находились объекты недвижимости. Осуществляя регистрацию, Росреестр не проверил законность договора от 17.01.2011 на предмет соблюдения запрета, установленного пунктом 4 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации. В связи с этим действия Росреестра по государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок были признаны незаконными.

Таким образом, в упомянутом деле судами фактически констатирована ничтожность договора от 17.01.2011 как несоответствующего требованиям закона (статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции до вступления в силу Федерального закона от 07.05.2013 No 100-ФЗ).

Дальнейшее оспаривание договора от 17.01.2011 по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве, и отказ в признании договора недействительным, а также принятие Яскевичем В.В. мер по признанию незаконными действий Росреестра по регистрации права собственности на объект незавершенного строительства за обществом (в удовлетворении заявления отказано, дело No А57-10865/2021) не влияют на квалификацию договора от 17.01.2011 как ничтожного.

С учетом изложенного, вывод суда первой инстанции о том, что спорное имущество принадлежит должнику на праве собственности и правомерно включено в конкурсную массу, является верным. Оснований для отмены определения от 18.03.2021 у суда округа не имелось.

Законодательством о несостоятельности установлен определенный порядок вступления кредиторов в дело о банкротстве должника. Так, кредитор по гражданско-правовым обязательствам (например, имеющий реституционное требование о возврате исполненного по недействительной сделке), имеющий намерение участвовать в деле о банкротстве, должен выразить свою волю в соответствующей процессуальной форме, обратившись с заявлением о включении его требований в реестр (статьи 16, 71, 100 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Яскевич В.В. после вступления в законную силу судебных актов по делу № А57-4137/2019 требований к должнику в рамках дела о банкротстве не заявлял, фактически отказавшись от материальных притязаний к обществу посредством банкротных процедур. При таких обстоятельствах Яскевич В.В. не мог обжаловать судебный акт об утверждении мирового соглашения по настоящему делу со ссылкой на положения статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Защита от злоупотреблений по делам о банкротстве

Определение ВС РФ № 305-ЭС20-11205 (3) от 24 февраля 2022 года¹

По общему правилу, при внутригрупповом займе денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования. Поэтому в условиях заинтересованности займодавца, заёмщика и залогодателя между собой на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные мотивы совершения обеспечительной сделки. В обратном случае следует констатировать, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц.

При этом если в контролируруемую бенефициаром группу компаний входит банк и ряд других организаций, которые регулярно прибегали к финансированию своей деятельности за счет банка, экономическая целесообразность предоставления одной и таких компаний обеспечения по долгам банка может быть обусловлена необходимостью выполнения предписаний регулятора с целью сохранения этой кредитной организации, находящейся под угрозой отзыва лицензии на осуществление банковских операций: восстановление финансовой устойчивости входящего в группу банка позволило бы продолжить финансирование деятельности всей группы в целом. Указанный мотив может объяснить экономическую целесообразность совершенных обеспечительных сделок для группы в целом - спасти консолидированный, имеющий свой источник финансирования бизнес.

Наличие у контролирующего лица экономических мотивов в совершении сделки само по себе не исцеляет ее от пороков недействительности с точки зрения критерия причинения вреда кредиторам конкретного должника. Однако помимо непосредственных персональных интересов у организации, входящей в корпоративную группу, имеется, как правило, и групповой интерес, конечной целью которого является прибыльность деятельности группы в целом. Реализация группового интереса способствует не только процветанию корпоративной группы, но в то же время и каждого ее участника, в том числе того, который, формально пренебрегая своими персональными интересами, совершил для себя (и своих кредиторов) не выгодную сделку. При этом, определяя баланс между общим интересом корпоративной группы и личными интересами ее участника, необходимо исходить из того, что не подлежат квалификации как незаконные те действия участника группы, которые будучи направленными на реализацию группового интереса, не стали причиной объективного банкротства такого участника.

¹ Аналогичная, по сути, позиция закреплена в Определении СКЭС ВС РФ № 305-ЭС20-15145 (5) от 24 февраля 2022 года

В период с сентября 2016 года по июль 2017 года банк и должник заключили семь договоров залога и два договора поручительства, направленных на обеспечение исполнения должником – залогодателем и поручителем обязательств заёмщиков банка – акционерного общества «Абигейл», закрытых акционерных обществ «Нефтегазовая компания «Прогресс» и «Газ и Нефть Транс», обществ с ограниченной ответственностью «Мултановское», «Техпрострой», «СТРОЙБИЗНЕСГРУПП», «Билдинг Групп», «Гиалит», «Ичерский», «Сибирь Нефтепрогресс», «НГДУ «Дулисминское» и «СК «ВекторПроджект» по выданным им в 2014 – 2017 годах банком кредитам.

24.04.2018 принято заявление уполномоченного органа о признании должника банкротом, решением от 05.08.2020 должник признан несостоятельным, введена процедура конкурсного производства, конкурсным управляющим утвержден Кузнецов Дмитрий Николаевич, который обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделками названных договоров залога и поручительства по основанию статей 10, 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Разрешая спор, суды признали оспариваемые договоры недействительными сделками. Суды сочли, что банк был осведомлён о неплатёжеспособности должника и о цели причинения вреда имущественным правам кредиторов, поскольку на момент заключения обеспечительных сделок вместе с вышеперечисленными заёмщиками и должником – залогодателем и поручителем входил в одну группу аффилированных лиц, подконтрольную бывшему бенефициару банка Хотину А. Ю.

В связи с этим суды пришли к выводу о том, что оспариваемые обеспечительные сделки не несли для должника никакой экономической целесообразности, были направлены на формирование подконтрольной задолженности, уменьшение числа голосов, принадлежащих независимым кредиторам, получение преимуществ, имеющих у залоговых кредиторов в рамках дела о банкротстве, не отвечали принципу разумности и добросовестности участников гражданского оборота, представляли собой проявление недобросовестного поведения.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Содержащиеся в абзацах втором – пятом пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве презумпции совершения неплатёжеспособным должником подозрительной сделки с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов являются опровержимыми и применяются лишь в том случае, если иное не доказано другой стороной сделки (пункты 5 – 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

Опровергая данные презумпции на протяжении рассмотрения настоящего обособленного спора заявитель последовательно настаивал на том, что подконтрольность банка, заёмщиков и должника одному бенефициару объясняла мотивы заключения обеспечительных сделок, а не исключала их; на момент заключения оспариваемых сделок должник был платёжеспособен, а целью заключения обеспечительных сделок являлось выполнение предписаний Банка России (далее – регулятор), а не причинение вреда кредиторам должника; банкротство должника вызвано иными причинами.

На момент заключения оспариваемых сделок банк, заёмщики и залогодатель (поручитель) – должник входили в группу компаний, подконтрольную одному лицу. По общему правилу, при внутригрупповом займе денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования. Поэтому в условиях заинтересованности займодавца, заёмщика и залогодателя между собой на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные мотивы совершения обеспечительной сделки.

В обратном случае следует констатировать, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц.

В рассматриваемом случае весь бизнес, подконтрольный бывшему бенефициару банка Хотину А.Ю. можно условно разделить на три группы: финансы, нефтедобыча и недвижимость. При этом контроль, кредитование экономически взаимосвязанных групп нефтедобычи и недвижимости осуществлялись бенефициаром преимущественно за счёт денежных средств банка. По оценке

заявителя, большая часть всех кредитов, выдаваемых банком, направлялись на финансирование собственного бизнеса в сфере недвижимости и нефтедобычи. Таким образом, успешная деятельность банка по привлечению вкладов от третьих лиц являлась главным составляющим развития бизнеса в сфере нефтедобычи и недвижимости.

В таком случае, заключение обеспечительных договоров компаниями, входящими в группу нефтедобычи, в пользу своего финансового центра (ПАО Банк «Югра») по ранее предоставленным им аффилированным заёмщикам необеспеченным кредитам могло иметь разумный экономический мотив – обеспечение выполнения предписаний регулятора с целью сохранения этой кредитной организации, находящейся под угрозой отзыва лицензии на осуществление банковских операций, к услугам которой периодически обращались члены группы для пополнения оборотных активов, развития их проектов при нехватке свободных денежных средств. Восстановление финансовой устойчивости входящего в группу банка позволило бы продолжить финансирование деятельности всей группы в целом. Указанный мотив может объяснить экономическую целесообразность совершенных обеспечительных сделок для группы в целом – спасти консолидированный, имеющий свой источник финансирования бизнес.

Помимо непосредственных персональных интересов у организации, входящей в корпоративную группу, имеется, как правило, и групповой интерес, конечной целью которого является прибыльность деятельности группы в целом. Определяя баланс между общим интересом корпоративной группы и личными интересами ее участника, необходимо исходить из того, что не подлежат квалификации как незаконные те действия участника группы, которые будучи направленными на реализацию группового интереса, не стали причиной объективного банкротства такого участника. Соответственно, с учетом установленной структуры бизнеса группы выяснению при рассмотрении настоящего дела подлежал вопрос о причинах банкротства должника.

Как полагало агентство, к банкротству должника привели иные, не связанные с предоставлением обеспечения обстоятельства. Являясь нефтяной компанией, находящийся в промышленной стадии эксплуатации нефтяного месторождения, должник после выдачи спорного обеспечения продолжил вести свою обычную хозяйственную деятельность и извлекать прибыль. Переломным в бизнесе всей группы компаний явился момент отзыва лицензии у банка (28.07.2017), после чего должник начал принимать активные действия по выводу активов для сохранения уже бывшим конечным бенефициаром банка фактического контроля над ними: в августе 2017 года было создано дочернее предприятие – общество с ограниченной ответственностью «Мултановский», на которое было переоформлена лицензия на эксплуатацию нефтяного месторождения, затем уставной капитал дочернего предприятия был увеличен и введён новый участник – акционерное общество «Синтэк – Ойл» с долей в 99,90 процентов.

Приходя к выводу о неплатёжеспособности должника на дату заключения оспариваемых сделок исходя из общей залоговой стоимости 41 млрд. рублей, суды указали на диспропорцию между обязательствами и активами должника. Балансовая стоимость активов должника в 2016 году составляла 23 млрд. рублей, в 2017 году – 33 млрд. рублей. При этом суды не устанавливали наличие и размер задолженности должника перед кредиторами в период заключения оспариваемых обеспечительных сделок. На дату прекращения производства по делу о банкротстве должника совокупный размер требований кредиторов, которым, по мнению судов, банк и должник имели цель причинить вред при заключении оспариваемых сделок, составил около 957 млн. рублей, основным кредитором должника являлся уполномоченный орган (долг 882 633 639,87 рублей).

Агентство последовательно ссылалось в своих пояснениях о том, что должник владел высокорентабельным бизнесом и погасить данные долговые обязательства для него не составляло труда, если бы впоследствии не произошел перевод бизнеса на дочернюю компанию. То есть данная задолженность несопоставима с масштабом бизнеса должника.

В рассматриваемом случае ни размер требований по обеспечительным сделкам (41 млрд. рублей), ни стоимость активов должника (33 млрд. рублей) не противопоставимы размеру требований кредиторов на момент совершения обеспечительных сделок (957 млн. рублей) ввиду их несоизмеримости. Следовательно, вывод судов о неплатежеспособности должника на дату совершения обеспечительных сделок, а также о наступлении такой неплатежеспособности в результате их совершения является преждевременным.

Для создания фиктивной задолженности используется формальный денежный оборот, с помощью которого осуществляется вывод денежных средств из имущественной сферы должника-

банкрота для сохранения его за конечными бенефициарами. В рассматриваемом случае обеспечительные сделки заключались во исполнение реальных кредитных договоров, по которым банк ранее предоставил денежные средства заёмщикам.

В связи с наступлением страхового случая – отзывом (аннулированием) у банка лицензии Банка России на осуществление банковских операций – государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов» произведены выплаты на общую сумму 172,9 млрд. рублей; требования агентства включены в первую очередь реестра требований кредиторов банка на сумму 165,3 млрд. рублей в рамках дела № А40-145500/2017 о банкротстве ПАО Банк «Югра» как и требования 29 тысяч вкладчиков на сумму 9 млрд. 7 рублей (по состоянию на 01.01.2022).

Вследствие признания оспариваемых сделок недействительными банку будет отказано во включении в реестр требований кредиторов должника, следовательно, банк (при недоказанности преследования им цели причинения вреда кредиторам должника) не получит в конкурсную массу денежные средства от реализации залогов и поручительства, в то же время бывший бенефициар банка возвратит контроль над предприятиями, которые ранее были приобретены на средства вкладчиков банка, что подтверждается, в частности, настоящим делом о банкротстве должника и иных компаний из группы нефтедобычи. Таким образом, обстоятельства, на которые последовательно ссылался заявитель в подтверждение своих доводов, имели существенное значение для разрешения обособленного спора, однако оставлены без судебной оценки. В связи с этим, выводы судов о наличии оснований для признания недействительными оспариваемых сделок и отказе во включении залогового требования банка в реестр без проверки доводов заявителя являлись преждевременными. Кроме того, признавая за банком недобросовестность при заключении и исполнении оспариваемых договоров со ссылкой на результаты рассмотрения дела № А75-6869/2018 Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, суды констатировали факт отсутствия государственной регистрации двух оспариваемых договоров об ипотеке от 22.06.2017 № 123/001/025/052/1-ГИН/ДЗ-17 и от 22.06.2017 № 034/069/ДЗ-17, а также установили, что договорами об ипотеке от 08.06.2017 № 126/024/023/078/ДЗ-17 и от 08.06.2017 № 126/024/023/078/ДЗ-17-2 обеспечены одни и те же обязательства заемщиков, в обеспечение передано одно и то же имущество. Вопреки ошибочным выводам судов, оформленный оспариваемыми обеспечительными сделками последующий залог должником того же имущества банку, а также не прошедший государственную регистрацию договор ипотеки в принципе не мог причинить вред имущественным правам его кредиторов.

Прочие вопросы

[Определение ВС РФ № 308-ЭС20-18999 \(2\) от 20.01.2022.](#)

1. Разрешение разногласий по требованиям кредиторов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом, рассматривающий дело о банкротстве.

В частности, указание стороной на прекращение договора об ипотеке (статьи 335 и 367 ГК РФ) в связи с отсутствием государственной регистрации дополнительного соглашения, продлевающего этот срок, не должны приниматься во внимание судом при наличии уже вступившего в законную силу решения суда, по которому обращено взыскание на спорный залог.

2. Если договор ипотеки заключен до принятия Федеральных законов от 21.12.2013 № 367-ФЗ и от 08.03.2015 № 42-ФЗ, к нему не применяются новые редакции норм статей 335 и 367 Гражданского кодекса Российской Федерации, которыми среди прочего предусмотрена возможность применения к залогоу, предоставленному третьим лицом, правил о прекращении поручительства по мотиву истечения срока его действия.

Между должником (залогодателем) и банком (залогодержателем) заключен договор залога (ипотеки) недвижимого имущества от 03.06.2011 в целях обеспечения исполнения обязательств общества с ограниченной ответственностью «Мариинский спиртзавод» перед банком по шести кредитным договорам.

В рамках дела № А53-2505/2017 о банкротстве завода определением суда от 03.10.2018 требования банка в размере 387 259 468 руб. 99 коп. включены в реестр, в том числе по указанным кредитным договорам.

Вступившим в законную силу судебным актом по делу № А53-7044/2018 удовлетворено требование банка к должнику об обращении взыскания на заложенное имущество, обеспечивающее исполнение обязательств завода по кредитным договорам. Рыночная стоимость имущества согласно заключению эксперта составляет 113 828 500 руб.

Разрешая настоящий спор, суд первой инстанции исходил из того, что срок на предъявление требования банком не пропущен, требование документально подтверждено и подлежит включению в реестр.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении требования банка, суд апелляционной инстанции исходил из того, что заключенное между должником и банком дополнительное соглашение от 19.03.2015 № 13 к договору ипотеки, констатирующее изменение срока возврата кредита до 27.12.2017 по всем кредитным договорам, не зарегистрировано в установленном порядке. Согласно последнему дополнительному соглашению к договору ипотеки, прошедшему регистрацию, срок залога установлен до декабря 2014 года.

Суд указал, что поскольку сам договор об ипотеке подлежит государственной регистрации, то заключаемые к нему дополнительные соглашения составляются в той же форме и требуют соблюдения тех же условий для признания их заключенными. Учитывая нахождение должника в процедуре банкротства, исполнение незарегистрированного соглашения будет противопоставлено интересам третьих лиц и приведет к нарушению прав добросовестных кредиторов, чьи требования включены в реестр.

Спорное требование могло быть предъявлено банком не позднее декабря 2015 года, однако последний обратился с настоящим заявлением в рамках дела № А53-7044/2018 только 15.03.2018 по истечении срока залога, в связи с чем данное требование не подлежит удовлетворению за счет заложенного имущества.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации (часть 1 статьи 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Разногласия по требованиям кредиторов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом (абзац второй пункта 10 статьи 16 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

В рамках дела № А53-7044/2018 удовлетворено требование банка к должнику об обращении взыскания на заложенное имущество, установлена его начальная продажная цена. При рассмотрении данного дела судами в том числе установлено, что требования банка к заводу по кредитным договорам обеспечены ипотекой со стороны должника, в Единый государственный реестр недвижимости внесена соответствующая запись, основания для применения исковой давности отсутствуют. Таким образом, суды пришли к выводу о правомерности требования банка как залогодержателя к должнику.

Разрешая настоящий обособленный спор, суд апелляционной инстанции пришел к противоположному выводу, указав на прекращение договора об ипотеке (статьи 335 и 367 Гражданского кодекса Российской Федерации) в связи с отсутствием государственной регистрации дополнительного соглашения № 13, продлевающего этот срок.

Такой вывод противоречит содержанию резолютивной части судебного акта, принятого по делу № А53-7044/2018, которым обращено взыскание на спорный залог, чем нарушен принцип общеобязательности судебных актов.

Кроме этого, договор ипотеки заключен до принятия Федеральных законов от 21.12.2013 № 367-ФЗ и от 08.03.2015 № 42-ФЗ, изложивших статьи 335 и 367 Гражданского кодекса Российской Федерации в новых редакциях, которыми среди прочего предусмотрена возможность применения к залогодателю – третьему лицу правил о прекращении поручительства, в том числе по мотиву истечения срока его действия.

Отказывая в удовлетворении требований банка в связи с прекращением залога, апелляционный суд руководствовался редакцией закона, не подлежащей применению.

Таким образом, вывод суда первой инстанции об удовлетворении требования банка за счет заложенного имущества является верным.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС21-19154 от 03.02.2022](#)

Согласно пункту 5.2 статьи 64 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, в том числе в результате признания такого юридического лица несостоятельным (банкротом), заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право. К указанному имуществу относятся также требования ликвидированного юридического лица к третьим лицам, в том числе возникшие из-за нарушения очередности удовлетворения требований кредиторов, вследствие которого заинтересованное лицо не получило исполнение в полном объеме. В этом случае суд назначает арбитражного управляющего, на которого возлагается обязанность распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица.

Заявление о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть подано в течение пяти лет с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении юридического лица. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть назначена при наличии средств, достаточных для осуществления данной процедуры, и возможности распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц.

Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица осуществляется по правилам ГК РФ о ликвидации юридических лиц.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в пункте 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», если у ликвидированного должника-организации осталось нереализованное имущество, за счет которого можно удовлетворить требования кредиторов, то взыскатель, не получивший исполнения по исполнительному документу, иное заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право, в соответствии с пунктом 5.2 статьи 64 Гражданского кодекса.

Положения пункта 5.2 статьи 64 Гражданского кодекса предписывают обосновать заинтересованность лица, требующего введение процедуры распределения имущества, которая устанавливается на основании представленных документов, не предполагая обязательного наличия вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 29.01.2019 по делу № А40-217195/2017 общество с ограниченной ответственностью «Монумент Девелопмент» признано банкротом, конкурсным управляющим утверждена Кручинина М.В.

Межрайонной инспекцией Федеральной налоговой службы по № 46 по городу Москве принято решение об исключении ООО «Прайд-М» из Единого государственного реестра юридических лиц в связи с наличием в реестре сведений, в отношении которых внесена запись о недостоверности (запись за государственным регистрационным номером 9197747424789 от 19.07.2019).

Ссылаясь на наличие у ООО «Прайд-М» задолженности и достаточность для ее погашения имущества, ООО «Монумент Девелопмент» в лице конкурсного управляющего Кручиной М.В. обратилось в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, в обоснование которого указало, что 27.05.2014 между ООО «Монумент Девелопмент» (займодавец) и ООО «Прайд-М» (заемщик) заключен договор денежного займа № МД/2014/1, по условиям которого займодавец обязался передать заемщику 1000000 рублей, а заемщик – вернуть указанную сумму в обусловленный договором срок и уплатить проценты, предусмотренные договором.

В соответствии с пунктом 1.1 дополнительного соглашения от 28.04.2016 № 4 заимодавец обязался передать заемщику 7 000 000 рублей.

В соответствии с пунктом 2 дополнительного соглашения от 31.12.2015 № 3 заемщик обязуется вернуть сумму основного долга и начисленные по нему проценты не позднее 26.05.2017.

Во исполнение условий договора ООО «Монумент Девелопмент» перечислило на расчетный счет ООО «Прайд-М» 6 595 000 рублей.

К участию в деле в качестве заинтересованного лица привлечен Банк.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 03.12.2020, оставленным без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.02.2021 и постановлением Арбитражного суда Московского округа от 05.07.2021, в удовлетворении требований отказано.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Согласно пункту 5.2 статьи 64 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, в том числе в результате признания такого юридического лица несостоятельным (банкротом), заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право. К указанному имуществу относятся также требования ликвидированного юридического лица к третьим лицам, в том числе возникшие из-за нарушения очередности удовлетворения требований кредиторов, вследствие которого заинтересованное лицо не получило исполнение в полном объеме. В этом случае суд назначает арбитражного управляющего, на которого возлагается обязанность распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица.

Заявление о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть подано в течение пяти лет с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении юридического лица. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть назначена при наличии средств, достаточных для осуществления данной процедуры, и возможности распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц.

Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица осуществляется по правилам настоящего Кодекса о ликвидации юридических лиц.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в пункте 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», если у ликвидированного должника-организации осталось нереализованное имущество, за счет которого можно удовлетворить требования кредиторов, то взыскатель, не получивший исполнения по исполнительному документу, иное заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право, в соответствии с пунктом 5.2 статьи 64 Гражданского кодекса.

Обратившись в арбитражный суд с настоящим заявлением ООО «Монумент Девелопмент» указало на наличие перед ним у ООО «Прайд-М» долга по договору займа и дополнительным соглашениям (общая сумма задолженности составляет 18 442 045 рублей 31 копейку, из которых: 6 595 000 рублей – основной долг, 3 972 615 рублей 31 копейка – проценты, 7 874 430 рублей – неустойка).

Руководствуясь статьями 63, 64, 64.2, 419 Гражданского кодекса, разъяснениями, изложенными в пункте 39 Постановления № 50, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», суды отказали в удовлетворении заявления о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, придя к выводам, что представленные заявителем документы (договор, дополнительные соглашения, подтверждение перечисления денежных средств), свидетельствуют лишь о возможном возникновении каких-либо правоотношений, но не подтверждают, что со стороны ООО «Прайд-М» до момента прекращения его деятельности не исполнена какая-либо встречная обязанность, свидетельствующая о прекращении возникших между сторонами взаимоотношений, поскольку данные обстоятельства могли быть установлены в отдельном судебном процессе.

Судами указано, что при рассмотрении дела не установлено фактических обстоятельств, свидетельствующих о том, что заявитель с даты подписания договора и до даты исключения ООО «Прайд-М» из ЕГРЮЛ обращался в суд с какими-либо требованиями в связи с ненадлежащим исполнением ООО «Прайд-М» обязательств, вытекающих из указанного в заявлении договора. При проявлении обычной степени разумности и осмотрительности задолженность (при ее наличии) могла быть взыскана Обществом в установленном законом порядке; права требования, исходя из представленных в дело доказательств, не являются бесспорными. Процедура распределения имущества ликвидированного юридического лица не предполагает совершения иных действий, кроме распределения обнаруженного после ликвидации юридического лица имущества, ранее (до ликвидации) бесспорно принадлежавшего ликвидированной организации и в отношении которого отсутствуют какие-либо споры о праве.

Между тем судами не учтено, что положения пункта 5.2 статьи 64 Гражданского кодекса предписывают обосновать заинтересованность лица, требующего введение процедуры распределения имущества, которая устанавливается на основании представленных документов, не предполагая обязательного наличия вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что предоставление статьей 71 АПК РФ судам полномочий по оценке доказательств вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, что вместе с тем не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом (определения от 20.02.2014 № 262-О, от 23.10.2014 № 2460-О от 25.05.2017 № 1116-О и др.).

В подтверждение наличия имущества, достаточного для погашения задолженности, а также для осуществления процедуры распределения имущества ликвидированного юридического лица, ООО «Монумент Девелопмент» ссылается на выписки из Единого государственного реестра недвижимости, согласно которым в собственности ООО «Прайд-М» имеются земельные участки общей кадастровой стоимостью 241 000 000 рублей.

По утверждению конкурсного управляющего, при проведении анализа финансово-хозяйственной деятельности ООО «Монумент Девелопмент» было выявлено, что в электронной базе «1С» отсутствовали сведения об оплате ООО «Прайд-М» выданного займа.

Поскольку запись о ликвидации ООО «Прайд-М» внесена в ЕГРЮЛ без проведения ликвидационных мероприятий, предусмотренных статьей 63 Гражданского кодекса, конкурсный управляющий ООО «Монумент Девелопмент» был вправе обратиться в суд с заявлением о распределении имущества должника в порядке и в срок, предусмотренный пунктом 5.2 статьи 64 Гражданского кодекса.

Таким образом, вывод судов об отсутствии оснований для удовлетворения заявления ООО «Монумент Девелопмент» о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица не может быть признан верным, так как привел к нивелированию целей законодателя, закрепившего институт распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, что нарушило права кредиторов должника, не получивших возможность распределить земельные участки общей кадастровой стоимостью 241 000 000 рублей.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС20-7883 \(3, 4\) от 03.02.2022 г.](#)

При разрешении судом разногласий относительно порядка распределения средств, вырученных от реализации предмета залога следует учитывать следующее:

- 1. Вне очереди подлежат погашению расходы управляющего на проведение торгов, а также на обеспечение сохранности предмета залога,**
- 2. Для квалификации требований управляющей компании (или ресурсоснабжающей организации) как требований, относящихся к обеспечению сохранности залогового имущества, не всегда необходимо заключение какого-то специального договора об обеспечении сохранности, подачи соответствующих заявлений либо утверждения порядка обеспечения сохранности залоговым кредитором.**
- 3. Положения пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве о расходах на сохранность предмета залога применяются также и к коммунальным платежам, необходимым для поддержания заложенного имущества в физически исправном состоянии.**

4. Мораторные проценты по требованию залогового кредитора подлежат удовлетворению после погашения требований всех кредиторов третьей очереди (включая незалоговых) преимущественно перед удовлетворением необеспеченных требований кредиторов по мораторным процентам (согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2021 No 303-ЭС20- 10154 (2)).

В рамках настоящего дела о банкротстве в четвертую очередь реестра включено требование банка на сумму 65 289 825 руб. как обеспеченное залогом, в том числе квартир и машино-мест, расположенных по адресу: г. Серпухов, ул. Фирсова, д. 3.

В ходе реализации имущества должника на его счет в общей сложности поступило 72 710 500,76 руб., из которых на погашение требований банка и текущих расходов было направлено 66 745 500,76 руб.

В частности, требование банка погашено должником на сумму 61 437 875 руб. При этом требования банка также были обеспечены поручительством Митичкина А.А.

В рамках дела о банкротстве последнего осуществлено погашение требований банка на сумму 3 966 156 руб.

Таким образом, банк получил удовлетворение по своему требованию, ранее включенному в реестр. При этом определением от 27.05.2019 произведена замена банка как кредитора на его правопреемника Митичкина А.А. в части требования на сумму 3 966 156 руб. (ввиду перехода к последнему требований в порядке суброгации).

За период процедуры банку и его правопреемнику Митичкину А.А. начислены также мораторные проценты, которые погашены не были.

Кроме того, до реализации заложенного недвижимого имущества образовалась задолженность перед компанией как текущим кредитором по требованию об оплате за содержание данного имущества, коммунальные услуги на общедомовые нужды и отопление.

Остаток от выручки на торгах составил 5 965 000 руб.

Учитывая недостаточность данных средств для выплаты вознаграждения арбитражному управляющему, погашения основного долга перед Митичкиным А.А., выплаты мораторных процентов Митичкину А.А. и банку, а также для удовлетворения требования компании об оплате коммунальных услуг, между названными лицами в отношении порядка расходования оставшихся средств возникли разногласия, которые переданы на рассмотрение арбитражного суда.

Суды руководствовались положениями статей 4, 60, 126, 134, 138 Федерального закона от 26.10.2002 No 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и отметили, что в первую очередь подлежат оплате понесенные, но непогашенные расходы конкурсного управляющего на реализацию предмета залога в размере 106561,69 руб. (пункт 6 статьи 138 Закона о банкротстве).

Суды указали, что после названных расходов подлежат погашению оставшиеся требования залогового кредитора по основному долгу (Митичкина А.А.), затем мораторные проценты перед банком и вслед за ними мораторные проценты перед Митичкиным А.А. (как исполнившим поручителем).

Суды определили, что проценты по вознаграждению управляющего подлежат выплате после мораторных процентов залоговому кредитору.

К последней очереди (из перечня спорных требований) суды отнесли требования компании об оплате коммунальных услуг.

Отклоняя доводы компании о том, что такие расходы направлены на сохранность залогового имущества и подлежат погашению в порядке пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве, суды отметили, что каких-либо договоров об обеспечении сохранности залогового имущества как с залоговым кредитором, так и с конкурсным управляющим компания не заключала; заявлений указанных лиц об обеспечении сохранности имущества также не представлено; порядок и условия обеспечения сохранности предмета залога залоговым кредитором не утверждался. Суды заключили, что указанные расходы не связаны с обеспечением сохранности предмета залога и подлежат возмещению в четвертую очередь удовлетворения текущих платежей.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

По смыслу статьи 138 Закона о банкротстве вне очереди вырученные средства направляются в целях погашения расходов на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах (пункт 6).

Затем от оставшихся средств:

80 % расходуются на погашение требования залогового кредитора;

15 % – в пользу кредиторов первой и второй очереди (при их отсутствии – также залоговому кредитору);

5 % – на погашение судебных расходов, вознаграждение арбитражного управляющего и оплату услуг привлеченных лиц (пункты 2 и 2.1 статьи 138 Закона о банкротстве).

Как указано выше, разногласия возникли по поводу требований по кредиту, вознаграждению арбитражному управляющему, выплате мораторных процентов, оплате коммунальных услуг. Исходя из приведенных положений закона очевидно, что для погашения этих требований предназначены разные части выручки на торгах, в связи с чем не все эти требования конкурировали между собой.

В данном случае судам необходимо было определить правовую природу требований, в отношении которых возникли разногласия, чтобы соотнести, из какой части выручки конкретное требование подлежит погашению.

Так, вне очереди подлежали погашению расходы управляющего на проведение торгов, а также на обеспечение сохранности предмета залога.

Разрешая вопрос о том, относится ли оплата коммунальных услуг к обеспечению сохранности залогового имущества, суды ошибочно исходили из того, что для подобной квалификации требований управляющей компании (или ресурсоснабжающей организации) необходимо заключение какого-то специального договора об обеспечении сохранности, подачи соответствующих заявлений либо утверждения порядка обеспечения сохранности залоговым кредитором.

Положения пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве о расходах на сохранность предмета залога применяются также и к коммунальным платежам, необходимым для поддержания заложенного имущества в физически исправном состоянии. Поэтому для правильной квалификации подобных требований компании необходимо было установить, связано ли оказание конкретной коммунальной услуги с обеспечением сохранности предмета залога или нет.

Так, принимая во внимание, что в залоге находился объект недвижимости, очевидно, что расходы на отопление (в том числе общедомовое) непосредственно связаны с его сохранностью, а потому подлежали компенсации в порядке пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве. Учитывая, что перечень предъявленных компанией к возмещению расходов являлся обширным, суду необходимо было по предмету проанализировать связанность конкретной услуги с сохранностью предмета залога и исходя из этого определить, в каком размере требования компании подлежат внеочередному удовлетворению из суммы выручки на торгах, а в каком – удовлетворению в порядке общей очередности текущих платежей (пункт 2 статьи 134 Закона о банкротстве).

При разрешении вопроса о погашении требований Митичкина А.А. как правопреемника банка по части основного долга судам необходимо было исходить из того, что указанные требования в силу пунктов 2 и 2.1 статьи 138 Закона о банкротстве могут быть удовлетворены из 80 % и 15 % оставшихся денежных средств от суммы, вырученной от реализации предмета залога (в случае отсутствия кредиторов первой и второй очереди), исчисляемых после погашения расходов, предусмотренных пунктом 6 названной статьи. При этом судами установлено, что до выплаты названных расходов управляющим уже по каким-то причинам было осуществлено погашение большей части требований банка. Следовательно, требования Митичкина А.А. могли быть удовлетворены из выручки от продажи залога в приоритетном порядке при условии достаточности средств, оставшихся от названных 80 % и 15 %.

При разрешении вопроса о порядке выплаты вознаграждения арбитражному управляющему судам следовало исходить из того, что такое вознаграждение не могло конкурировать в очередности с требованиями иных кредиторов (в том числе залоговых), а подлежало оплате из специально выделенных для этих целей 5 % от выручки на торгах.

Равным образом являются ошибочными выводы судов и в части определения очередности требований банка и Митичкина А.А. об уплате мораторных процентов. Мораторные проценты по требованию залогового кредитора подлежат удовлетворению после погашения требований всех кредиторов третьей очереди (включая незалоговых) преимущественно перед удовлетворением

необеспеченных требований кредиторов по мораторным процентам (согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2021 № 303-ЭС20-10154 (2)). Следовательно, требования банка и Митичкина А.А. об уплате мораторных процентов не подлежали приоритетному погашению из сумм, вырученных на торгах, а должны были быть удовлетворены в порядке очередности из общих средств, включенных в конкурсную массу.

[Определение ВС РФ № 302-ЭС21-16443 от 08.02.2022 г.](#)

1. К спорным правоотношениям сторон, использующих арендованное имущества после прекращения производства по делу о банкротстве, подлежит применению пункт 2 статьи 610 ГК РФ, согласно которому если арендатор продолжает пользоваться имуществом после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок.

2. Основной целью внесения изменений в части 8, 9 и 11 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции являлось устранение неопределенности в толковании положений Закона о защите конкуренции в части возможности заключения договоров аренды государственного или муниципального имущества на новый срок без проведения торгов с добросовестными арендаторами, заключившими договоры аренды на законных основаниях, в том числе без проведения торгов до 2 июля 2008 года (до вступления в силу статьи 17.1 Закона о защите конкуренции).

Обществом (арендатор) и предприятием (арендодатель) в лице конкурсного управляющего подписан договор аренды электросетевого комплекса от 24 июня 2016 г., согласно которому арендодатель предоставляет во временное возмездное владение и пользование, а арендатор принимает имущество электросетевого комплекса в соответствии с перечнем, указанным в приложении № 1 к договору, принадлежащее арендодателю на праве хозяйственного ведения на срок с 26 июня 2016 г. до 25 декабря 2016 г. (пункты 1.1. и 2.1 договора).

Впоследствии 19 декабря 2016 г. указанными лицами подписан договор аренды со сроком его действия с 25 декабря 2016 г. до 20 декабря 2017 г. Решением Арбитражного суда Красноярского края от 05 мая 2017 г. по делу № А33-16941/2009 производство по делу о банкротстве предприятия прекращено.

Обществом и предприятием 30 августа 2019 г. заключен договор аренды вышеуказанного комплекса сроком с 01 октября 2019 г. по 01 октября 2029 г. Получив от администрации Березовского района Красноярского края согласие на продление отношений в рамках действующего договора, общество 21 февраля 2020 г. обратилось в Росреестр с заявлением о государственной регистрации договора аренды от 30 августа 2019 г. в отношении объектов электросетевого комплекса.

Неоднократно уведомлениями от 06 марта 2020 г., 27 марта 2020 г., 08 июня 2020 г. государственная регистрация прав Росреестром приостанавливалась ввиду отсутствия необходимых документов, в том числе по заявлению общества о приостановлении от 03 июня 2020 г.

07 сентября 2020 г. Росреестр отказал в государственной регистрации договора от 30 августа 2019 г., ссылаясь на прекращение обязательств по ранее заключенным договорам и несоответствие договора аренды от 30 августа 2019 г. абзацу 1 части 1 и части 3 статьи 17.1 Федерального закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции).

Суды руководствовались положениями пункта 2 статьи 295, пункта 1 статьи 422 Гражданского кодекса Российской Федерации, части 2 статьи 18 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», частей 9, 10 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции, и исходили из отсутствия совокупности условий, являющейся основанием для признания оспариваемого решения незаконным.

Проанализировав условия заключенных обществом и предприятием договоров, признав договор от 19 декабря 2016 г. прекратившим свое действие 20 декабря 2017 г., а также придя к выводу, что заключение договора аренды в 2016 г. в соответствии с положениями Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не предоставляет обществу права на заключение нового договора в нарушение порядка, предусмотренного абзацем 1 части 1 и частью 3 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции, суды отказали в удовлетворении заявленных требований.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Спорное муниципальное имущество принадлежит муниципальному предприятию на праве хозяйственного ведения и передано обществу по договорам аренды в соответствии с положениями статей 126, 129 Закона о банкротстве.

Поскольку Закон о банкротстве не содержит специальных норм, устанавливающих отношения сторон по использованию арендованного имущества после прекращения производства по делу о банкротстве, к спорным правоотношениям подлежит применению пункт 2 статьи 610 ГК РФ, согласно которому если арендатор продолжает пользоваться имуществом после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок.

Федеральный закон от 27.12.2018 № 572-ФЗ «О внесении изменений в статью 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции» вступил в силу 08.01.2019. Данным законом внесены изменения в части 8, 9 и 11 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции, основной целью которого являлось устранение неопределенности в толковании положений Закона о защите конкуренции в части возможности заключения договоров аренды государственного или муниципального имущества на новый срок без проведения торгов с добросовестными арендаторами, заключившими договоры аренды на законных основаниях, в том числе без проведения торгов до 2 июля 2008 года (до вступления в силу статьи 17.1 Закона о защите конкуренции).

Принимая во внимание отсутствие в материалах дела доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении арендатора, заключившего ранее договоры аренды на законных основаниях, Судебная коллегия не может согласиться с выводами судов о прекращении 20 декабря 2017 г. срока действия договора аренды от 19 декабря 2016 г. и о нарушении при заключении нового договора 30 августа 2019 г. Закона о защите конкуренции.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС21-19839 от 11.02.2022](#)

По смысловому содержанию пунктов 3, 3.1, 8 и 10 статьи 201.4 Закона о банкротстве денежные требования участников строительства, их требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений предъявляются конкурсному управляющему, который данные требования рассматривает.

Для целей применения приведенных специальных положений о первичном внесудебном разрешении конкурсным управляющим их требований законодательством о банкротстве нормативно определено понятие «участник строительства», к которым относятся: физические лица, имеющие к застройщику требования о передаче жилого помещения, машино-места или нежилого помещения, площадь которого не превышает 7 кв. метров, а также публично-правовые образования, имеющие к застройщику требования о передаче жилого помещения, либо названные лица, имеющие к застройщику денежные требования.

Таким образом, конкурсный управляющий должником – застройщиком не уполномочен рассматривать требования, включая денежные, кредиторов, в том числе физических лиц, основанные на договорах, предусматривающих передачу нежилых помещений площадью более 7 кв. метров.

Определением Арбитражного суда Московской области от 06.03.2020 принято к производству заявление акционерного общества «Мособлгаз» о признании общества несостоятельным (банкротом), ранее оставленное без движения определением того же суда от 27.12.2019.

Решением Арбитражного суда Московской области от 01.12.2020 общество признано банкротом, в отношении него открыта процедура конкурсного производства по правилам параграфа 7 главы IX Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В ходе конкурсного производства Детистов С.В. обратился в суд с заявлением о включении 3 217 500 рублей в реестр требований кредиторов общества. Требование Детистова С.В. к должнику (застройщику) основано на договоре участия в долевом строительстве от 25.08.2016 № С-14/НП/3, по условиям которого общество (застройщик) обязалось построить, ввести в эксплуатацию многоэтажный жилой дом и передать Детистову С.В. находящееся в этом доме нежилое помещение площадью 71,5 кв. метра. Цена договора – 3 217 500 рублей. Поскольку общество нежилое помещение Детистову С.В. не передало, он просил включить в реестр сумму, внесенную в счет оплаты по договору.

Возвращая заявление Детистова С.В., суды сочли, что предъявленное к обществу требование первоначально должно быть рассмотрено конкурсным управляющим, а не арбитражным судом; суд уполномочен разрешать лишь разногласия, возникшие по результатам рассмотрения требования кредитора управляющим.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

По общему правилу, закрепленному в абзаце первом пункта 6 статьи 16, статье 71, абзаце первом пункта 5 статьи 81, статье 100, абзаце втором пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве, требования кредиторов устанавливаются арбитражным судом и включаются арбитражным управляющим в реестр требований кредиторов на основании вступивших в законную силу судебных актов.

Параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве предусмотрено исключение из этого общего правила – установлены особенности рассмотрения требований участников строительства к должнику-застройщику.

Так, в силу пунктов 3, 3.1, 8 и 10 статьи 201.4 Закона о банкротстве денежные требования участников строительства, их требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений предъявляются конкурсному управляющему, который данные требования рассматривает. Требования участников строительства, возникшие из договоров участия в долевом строительстве, включаются в реестр требований участников строительства управляющим самостоятельно на основании информации, размещенной органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Возражения по результатам рассмотрения управляющим требований участников строительства могут быть заявлены в арбитражный суд, указанные возражения рассматриваются судом в порядке, установленном статьей 60 Закона о банкротстве.

При этом законодательством о банкротстве нормативно определено понятие «участник строительства» для целей применения приведенных специальных положений о первичном внесудебном разрешении конкурсным управляющим их требований. К таким участникам строительства относятся физические лица, имеющие к застройщику требования о передаче жилого помещения, машино-места или нежилого помещения, площадь которого не превышает 7 кв. метров, а также публично-правовые образования, имеющие к застройщику требования о передаче жилого помещения, либо названные лица, имеющие к застройщику следующие денежные требования: о возврате денежных средств, уплаченных по договору, предусматривающему передачу жилого помещения, машино-места или нежилого помещения, площадь которого не превышает 7 кв. метров, в том числе по договору, признанному недействительным, незаключенным; возврате стоимости имущества, переданного застройщику по указанному договору; о возмещении убытков в виде реального ущерба, причиненных нарушением договорного обязательства застройщика передать жилое помещение, машино-место, нежилое помещение, площадь которого не превышает 7 кв. метров (подпункты 2, 3.1 и 4 пункта 1 статьи 201.1 Закона о банкротстве).

Таким образом, конкурсный управляющий должником – застройщиком не уполномочен рассматривать требования, включая денежные, кредиторов, в том числе физических лиц, основанные на договорах, предусматривающих передачу нежилых помещений площадью более 7 кв. метров.

Поскольку в рассмотренном случае Детистов С.В. обратился в суд с заявлением о включении 3 271 500 рублей в реестр требований кредиторов общества – застройщика, сославшись на неисполнение последним договорного обязательства по передаче нежилого помещения площадью 71,5 кв. метра, его заявление подлежало рассмотрению арбитражным судом по общим правилам статьи 100 Закона о банкротстве.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Книги

Цинделиани И.А., Наринян Л.М. [Вопросы несостоятельности \(банкротства\) в практике Верховного Суда РФ: практическое пособие. 2022 \(Издательство: Проспект\)](#)

Суворов Е.Д. [Судебное банкротное право: выпуск второй](#). М., Статут. 2022

2. Статьи

Вестник экономического правосудия РФ

И.И. Папилин [Исполнение обязательств третьим лицом за должника в процедурах банкротства](#)

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Январь

Михальчук Ю. [Субсидиарная ответственность члена совета директоров: три критерия от Верховного суда](#)

Савосько С. [Должник заключал сделки за пределами трех лет. Как их оспорить и не пропустить срок давности](#)

Нонуков С. [Сделка аннулирована. Как кредитору не пропустить срок на включение в реестр](#)

Спиридонов А. [Продолжение хозяйственной деятельности банкрота. Когда суды признают его обоснованным](#)

Байдакова А. [Торги в банкротстве прошли с нарушениями. Когда поможет жалоба в ФАС](#)

Богачева В. [Санация банка. Новые риски ответственности для топ-менеджмента](#)

Станкевич А., Петкилев П. [Убытки с контролирующих лиц при санации банка: противоречия в позициях судов](#)

Февраль

Тарлаковская А. [ФНС требует заплатить налог на прибыль с продажи имущества банкрота. Как сдвинуть требование за реестр](#)

Тихонова В. [Заявление о фактической аффилированности. Риски кредитора и критерии от судов](#)

Семенов П. [Оспаривание взаимосвязанных сделок в банкротстве. Инструкция для кредитора](#)

Лим Д., Лаврентьева А. [Контролирующее лицо совершило сделки. Как привлечь его к субсидиарной ответственности](#)

Шамшина А. [Субсидиарная ответственность бухгалтера и финдиректора. Стратегия защиты](#)

Ившина А. [Объективное банкротство. Как определить его наступление с помощью экспертизы](#)

Кислов С. [Банк включается в реестр. Какие факторы убедят суд субординировать его требования](#)

Коновалов С., Казаков Е. [ВС освободил от ответственности контролирующих лиц. Доказательства, которые помогли в споре](#)

Газета "ЭЖ-Юрист"

Январь

Шестакова М. [Можно ли привлечь к субсидиарной ответственности контролирующее лицо, если оно является и поручителем](#)

Шестакова М. [ВС РФ признал законной продажу помещения по цене на 30% ниже рыночной в преддверии банкротства](#)

Баринов А. [К вопросу о праве обжалования лицами, привлеченными к субсидиарной ответственности, действий арбитражных управляющих](#)

Шестакова М. [Суд не может утвердить нового арбитражного управляющего до предоставления собранием кредиторов своей кандидатуры](#)

Махлай Л., Ерошкина Ю. Проблемы квалификации требований в качестве текущих или реестровых

Февраль

Бирклей В. Разграничение общих и специальных оснований для целей оспаривания сделок должника в банкротстве

Шестакова М. Включат ли в реестр недобросовестных поставщиков, если в банковской гарантии ошибка?

Шестакова М. ВС РФ разъяснил, как виндигировать имущество продавца-банкрота, которое покупатель уже продал

Шестакова М. Оспаривание сделок в банкротстве: ФНС России выпустила обзор судебной практики

Шестакова М. КС указал, что требования ресурсоснабжающих организаций должны погашаться вне очереди для предупреждения катастроф

Батурин А., Рябова А. Проблемы исключения требования кредитора из реестра требований кредиторов должника

Шестакова М. Что делать с компенсационным финансированием, если и аффилированный кредитор, и должник — банкроты

Алфимова А. Мировое соглашение в деле о банкротстве: практическое руководство к действию

Шестакова М. ВС РФ разрешил разногласия по поводу требований по кредиту, вознаграждению управляющему, выплате мораторных процентов и коммунальных услуг

Орлов Е. Проблемы трансграничного банкротства на примере обособленных споров

3. Блоги

Балкин В. - Стандарт доказывания как явление в праве и его применение на примере практики банкротных споров в РФ

Борьба с мнимыми собственниками и обжалование действий управляющего // Видео заседания Банкротного клуба, прошедшего 17 декабря 2021 года

Бутакова Я. - Отказ от принятия наследства в банкротстве (в практике российских и американских судов)

Верховный суд задал Конституционному залоговый вопрос // Он просит проверить закон, позволяющий спасать дольщики за счет иных кредиторов

Вещь — в массу // ВС подтвердил возможность возврата имущества после успешного оспаривания сделки по его выводу

Горяев Н. - Трансграничный нигилизм

Дабаган А. - Субординация реституционных требований: Верховный суд, наконец, высказал свое «против»

Доценко М. - КС и прихвостни банкстеров // Комментарий к Постановлению КС от 03.02.2022 № 5-П о последствиях оспаривания сделок должника с недвижимостью

Единственное жилье вернут в конкурсную массу вместе с жильцами // Даже если они недобросовестны, решил КС

Жарский И. - Предложения об изменении законодательных актов, устанавливающих правила финансового анализа, проводимого арбитражным управляющим при процедуре банкротства

Зайцев О. - О недопустимости ухудшения положения не согласных с реабилитационным планом кредиторов по сравнению с ликвидационной процедурой – к грядущим заседаниям ВС о судьбе требований залоговых кредиторов

Зайцев О. - И снова о влиянии реабилитационного плана на несогласных кредиторов – на этот раз текущих, связанных с залогом

Коняев И. - Банкротство с точки зрения бухгалтерского баланса и здравого смысла

Корниенко Е. - Практические приемы розыска цифровых активов и криптовалюты должника арбитражным управляющим

[Корниенко Е. - Цифровые финансовые активы и цифровая валюта как объекты имущественных прав в банкротстве и исковом процессе](#)

[Малютин А. - Освободит ли суд должника-банкрота от обязательств, если он оформил кредит онлайн, указав недостоверные сведения о доходе](#)

[Михайлов Е. - Что делать «субсидиарщикам» после постановления Конституционного суда № 49-П от 16.11.2021?](#)

[Морев Д. - Компания с активами вместо пустышки и реабилитация вместо ликвидации // Практические выводы из замысловатых рассуждений экономической коллегии ВС](#)

[Морев Д. - Банкротная практика ВС как олицетворение стабильности и целенаправленности // Правосудие в форме суррогатного нормотворчества](#)

[Начало материальной консолидации и конец субординации текущих требований // Верховный суд опубликовал определение по делу «СкладЛогистик»](#)

[Самусик А. - Конституционный суд встал на защиту интересов гражданина, купившего жилье по порочной сделке у банкрота](#)

[Субординация требований банкрота к другому банкроту](#)

[Суворов Е. - Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за ноябрь-декабрь 2021](#)

[Тай Ю. - Субординация текущих требований. Правовой оксюморон или лекарство? Amicus curiae brief по делу № 305-ЭС21-14470 \(1, 2\)](#)

[Титкова В. - Субсидиарная ответственность вне рамок дела о банкротстве: практика применения](#)

[Улезко А. - Можно ли сделать эффективным проведение арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника?](#)

[Чернов Г. - Период подозрительности с даты оставления без движения. Really?](#)

[Шафранов А. - Общества взаимного страхования на рынке обязательного страхования гражданской ответственности арбитражных управляющих как один из способов выхода из кризиса](#)

Ответственный редактор
Дайджеста:

Юрий Сбитнев,
адвокат, магистр частного
права (РШЧП), партнер
Адвокатского бюро
"Эксиора" город Москва

Редакторы:

Гульнара Исмаилова
юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру

Арина Щелокова
младший юрист АБ «Эксиора»

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"
<http://www.m-logos.ru>
E-Mail: digest@m-logos.ru
Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"
<http://exiora.ru>
E-Mail: info@exiora.ru
Тел.+7 (495) 762-62-44